

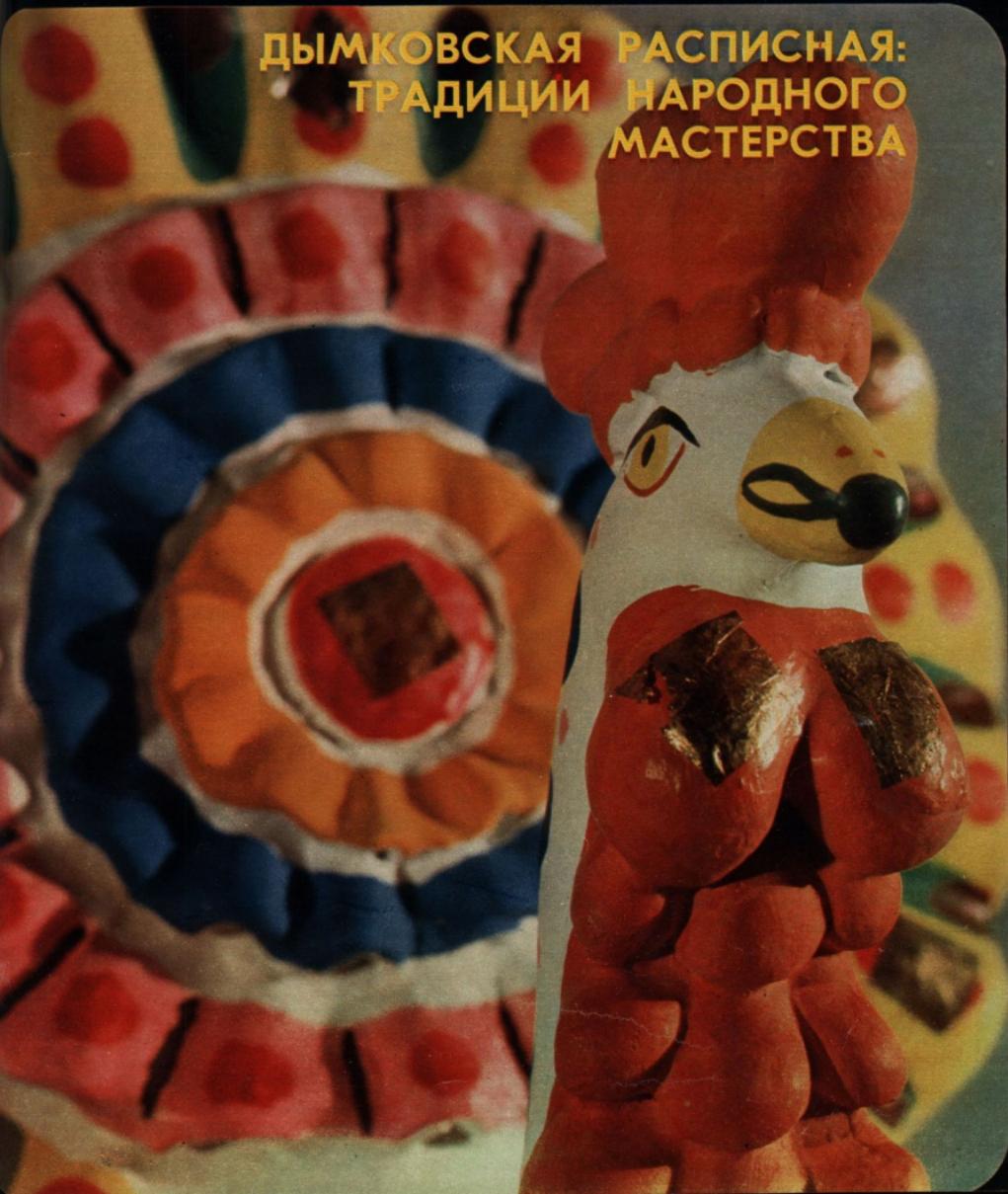
Смена

№ 23 ДЕКАБРЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДЫМКОВСКАЯ РАСПИСНАЯ: ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО МАСТЕРСТВА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

**Беседа
с партийным
руководителем**

Первый секретарь
ЦК КП Таджикистана
Джабар Расулович РАСУЛОВ
отвечает
на вопросы «Смены»

— Не могли бы вы рассказать, хотя бы кратко, о пути, пройденном Таджикистаном за годы его существования в составе СССР, о стране, где большинство населения — национально-высококвалифицированные сельским трудом, до высокоразвитой советской социалистической республики?

— Без всяких преувеличений можно сказать, что при любом другом общественном строе для таких глубоких и всеобъемлющих политических и социально-экономических преобразований, которые произошли в Таджикистане за годы Советской власти, понадобились бы столетия.

Таджикистан перешагнул целиую историческую эпоху — стадию капитализма, поднявшись к вершинам современного прогресса. Великий Октябрь стал новой вехой в истории и судьбах нашего края. Таджикистан народ впервые за свою многовековую историю обрел подлинную национальную независимость, сформировался в социалистическую нацию, создал суверенное государство — Таджикскую Советскую Социалистическую Республику.

Эти годы неизвестно какими облик нашей земли. Самоотверженный труд народа, неустанный труда

Коммунистической партии и Советского правительства, братской помощи всех народов Советского Союза, и прежде всего великого русского народа, превратили Таджикистан в цветущий край. На одной из самых отсталых колониальных окраин царской России в невиданно короткие исторические сроки были созданы современные многоотраслевая индустрия, высокопродуктивное сельскохозяйственное производство. В наше нынешнее время действует около трехсот крупных современных промышленных предприятий. Только за годы минувшей пятилетки их вошло в строй более 120. Созданы и успешно развиваются новые отрасли индустрии — машиностроительная, химическая, электротехническая. Наша республика производит автоматические ткацкие станки, цепные и роликовые конвейерные машины, силовые трансформаторы, холодильники, минеральные удобрения и многое другое. Марка ряда таджикских предприятий хорошо известна и за рубежом.

Важным условием успешного развития народного хозяйства явилось создание мощной энергетической базы. Таджикистана представлена каскадом Верзильских ГЭС и Яванская ТЭЦ, Каиракумская ГЭС «Дружба народов», Перепадной, Центральной и Головной ГЭС на реке Вахш, которые производят свыше 3,3 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. К концу этого года в составе страны первые два агрегата Нурекской ГЭС, общая мощность которой определена в 2,7 миллиона киловатт.

Наша республика щедро одарила полезными ископаемыми, но только электрификация открыла широкие перспективы их разработки, а также развития большого химического и металлургического комплексов. Первые шаги уже сделаны. Работы по строительству электролизного завода в городе Сурхандарье. Строится крупный азотиновый комплекс в Регаре. Нарастают мощности Азисского горнометаллургического комбината. Разворачивается строительство Яванско-электрохимического комбината.

В 1972 году объем промышленного производства в республике возрос в 95 раз по сравнению с 1913 годом. Помимо промышленности, изменилось и наше сельское хозяйство и особенно его ведущая отрасль — скотоводство. По инициативе В. И. Ленина Советское правительство в 1923 году издало декрет «О восстановлении ирригационных систем в Турсестанской республике». С этого времени началось быстрое, планомерное развитие орошаемого земледелия в Таджикистане. Только за годы восьмой пятилетки введено в сельскохозяйство 55 тысяч гектаров

обращающих площадей. Это большая цифра, если иметь в виду, что 13 процента территории республики занимают горы.

— Известно, что прежде Таджикистан был краем невысокого уровня грамотности населения, школы насчищались единицами, и в них главенствовало духовенство. Что характеризует уровень народного образования республики сегодня?

— «Край невысокого уровня грамотности населения — это сказать слишком лаконично. Народ, подавший человечеству таких ученых, поэтов и мыслителей, как Абуали ибн-Сино, Насир Хисам ад-Дин аль-Хафиди, Джами и др., в те годы находился в забвении. В начале 1925 года Народный комиссариат по пропаганде только что провозглашенного Советского Таджикистана принял в свое ведение 3 начальных школы, 4 интерната, 31 рабочника и 152 ученика. Грамотность населения составляла всего 0,5 процента. Самым образованным человеком в те годы считался представитель духовенства.

Сейчас Единой Таджикистана становится начальное профессиональное образование, шутят в народе, что это обязательно будет мульти. У нас осуществлена подлинная культурная революция. Таджикистан превратился в республику сплошной грамотности. В 2886 общеобразовательных школах занимается более 800 тысяч детей. С ними работают 42 тысячи педагогов. Успешно осуществляется переход к всеобщему среднему образованию.

В республике действуют 8 высших и 120 средних специальных учебных заведений, которые готовят специалистов для 120 отраслей народного хозяйства. В научных учреждениях, высших учебных заведениях и других организациях занято пять с половиной тысяч научных работников, а всего в народном хозяйстве занято около 190 тысяч специалистов с высшим и средним специальным образованием. От инженерно-технического до краеведческой науки — так можно характеризовать успехи в народном просвещении, достигнутые нашей республикой в семье советских народов.

— Для революции вся медицинская сеть Таджикистана представлялась собой один болнику на 40 коек и 11 амбулаторий. Как сегодня обстоит дело с развитием здравоохранения?

— Никакой «сети», никакой системы здравоохранения тогда не существовало. Повсеместно свирепствовали такие страшные болезни, как малярия, холера, оспа, туберкулез, тифома. Высокой была смертность населения, особенно детей. Это и не удивительно. Расходы бургского эмигранта на здравоохранение исчислялись жалкими грошиками.

Сегодня Таджикистан располагает широкой сетью лечебных и лечебно-профилактических учреждений. На 10 человек врачей в нас приходится больше, чем в Англии, Франции, Японии, Турции, Пакистане и Иране. Подлинной кулинарией высококвалифицированных кадров стал Таджикский медицинский институт имени Абуали ибн-Сино. Навсегда ушли в прошлое болезни и эпидемии, которые ежегодно уносили тысячи жизней.

— Как вы уже сказали, за годы Советской власти Таджикская Республика совершила поистине космический взлет — от феодализма к социализму, от маленькой капиталистической страны к стране, которая появилась из пустыни, со склонами сложнейших ущетов, обычных прынчек. Но, может быть, есть такие традиции, освещенные стоятками, которые народ бережно хранил и помнил?

— Конечно, такие традиции, уходящие своими корнями в седую ста-

рину, как и у каждого народа, были унаследованы народом.

В прошлом жизнь не баловала наш народ. В этих условиях родился благородный обычай — готовность бескорыстно прийти на помощь, когда это потребуется, не оставить друга в беде. Одна из народных традиций — помощь. Народники нужно кому-то быстро построить жилье. Не помочь человеку приходит вся улица, весь кишлак. Это и есть хосар. Такая традиция живет и поныне, большая это, она получила еще более широкий размах, обогатилась новым социалистическим содержанием. Каждую осень многие тысячи горожан в свои выходные дни помогают хлопкоуборкам собирать урожай белого золота, участвуют в заготовке кормов.

У таджиков священны гостеприимство, уважение к старшим. В каждом кишлаке, в каждом квартале имеются своего рода «советы старейшин», которые всегда помогут в решении самых сложных житейских вопросов. Они нередко помогают молодым людям выбрать верную жизненную дорогу, учат их трудолюбию, любви к Отечеству, к своему народу, умению любить всеобщее ценить и беречь настоящую другому.

Конечно же, не все старые обычан следуют брать в сегодняшний день. Некоторые из них устарели, изжили себя. Наше общее с комсомолом дела — позаботиться о том, чтобы они исчезли окончательно.

Наряду со славными традициями, которые мы унаследовали от наших отцов и дедов, в нашей жизни все чаще распространяются новые, обновленные, интернациональные традиции и ритуалы — посещения в рабочих классах, в колхозниках, торжественные проводы на службу в Советскую Армию, соревнования и конкурсы на звание лучшего по профессии, комсомольские свадьбы, чествования ветеранов и другие.

— С первых лет существования советских республик были установлены законом их сотрудничество и братская взаимопомощь. Известно, например, что еще в двадцатых — тридцатых годах Москвы и Ленинграда, в годы шестидесяти определенным участникам социалистического строительства в Таджикистане, такие Иваново-Вознесенска вызвали на таджикское соревнование таджикских текстильчиков и всячески помогали им, а первенец таджикской гидроэнергетики — Барзобскую ГЭС — строили представители многих национальностей.

Как выглядят сегодня братское содружество Таджикистана и других республик нашей страны?

— Новую жизнь в нашей республике помогают привнести все страны. Уже в последние годы Советский Союз, Россия, Федерация и другие братские республики посыпают нам промышленные товары, оборудование, строительные материалы, а самое главное — специалистов. Они несли нашему народу знания, опыт, архитектурную помощь и поддержку.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народный поэт Таджикистана Мирзо Турсун-заде писал, вспоминая о своем детстве:

В ущелье там я рос.
И первый раз
И друга русского увидел там,
Увидел воинско братство
Спасших нас,
И всей душой сочувствовавшими нам.

Впервые буквы русские тогда Караданном в тетради вывел я,

И слово «справедливость» на письма
Запомнил я из тех проп
души мои.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 23 (1093)

ДЕКАБРЬ

1972

НАША ОБЛОЖКА:
ВОТ ОН, ДЫМОКСИЙ
ПЕТУХ,
СОЗДАННЫЙ
ФАНТАЗИЕЙ И РУКАМИ
ВЯЗКИХ МАСТЕРИЦ.

Фото Василия Мишина
Очерк «ВЯЗКИЕ ЗАБАВЫ»
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ
20—21.

4
КОМПЛЕКС ГТО
НА ВОРОШИЛОВГРАДСКОМ
ТЕПЛОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОМ
ЗАВОДЕ.

12
ТВОЯ ПРОФЕССИЯ.
СТУПЕНИ МАСТЕРСТВА.
Репортаж о пензенских
стеклодувах.

22
КОМСОМОЛЬСКИЙ
ХАРАКТЕР.
КОМСОРГ ИЗ ГРУЗИИ.

28
В ПОИСКАХ ИСТИНЫ.
НОВАЯ ФОРМА ПРОТЕСТА
ЗАПАДНОЙ МОЛОДЕЖИ.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «СМЕНЫ» ПОСВЯЩАЕТСЯ
50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Купешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луничек (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рыбачков, Г. В. Семёнов, Г. С. Смирнов, А. В. Стуиков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

СМЕНА 1

в создание материально-технической базы коммунизма, Таджикистан поставляет в другие республики ткацкие станки, арматуру, концентраты цинка, медь, никель, золото, алмазы, полотенце, волокно, фрукты, картофель и другую продукцию промышленности и сельского хозяйства. В свою очередь, мы получаем зерно из РСФСР и Казахстана, песь из Средней Азии, уголь из Караганды и Кузбасса, нефтепродукты из Туркменской ССР, автомобили из Москвы, Минска, Горького, тракторы из Харькова, Минска и множеством других товаров.

Особенно впечатляющим примером дружбы и подлинного братства советских народов является странство Нурекской ГЭС. Странка объявлена Всесоюзной ударной стройкой. Ее представители из всех сорок национальностей. Практически невозможно подсчитать, сколько рабочих, ученых, инженеров в разных уголках Советского Союза, в сотнях различных организаций решали и решают проблемы Нурека — принципиально новые задачи в практике мирового гидротехничества. Нурек строят труженики Урала, Подмосковья, Запорожья, Харькова, Казахской Магнитки. Более трех тысяч рабочих из всех национальностей и оборудования на эту стройку. Индекс не может быть. Масштабы, величины задач, которые решают советские народы, сегодня требуют обединения усилий и ресурсов всех братских республик.

Тесное экономическое и культурное сотрудничество, взаимопомощь советских народов — верная гарантия дальнейшего расцвета советских республик и всей нашей страны в целом.

— За годы Советской власти, особенно за последние десятилетия, сложилась и окрепла новая категория трудящихся — рабочий класс Таджикистана. Что характеризует его сегодня?

— Процесс формирования национального рабочего класса закономерно послужил всем ходом социалистического строительства в Таджикистане. Важнейшим фактором этого процесса стало в диалектическом единстве с ростом кадров национального рабочего класса. Подлинной академией в этом смысле были новостроики периода социалистической индустриализации. На Вахшстрое, например, сотни строителей коренного национального состава — таджиков — рабочими специальностей, стали квалифицированными строителями. Передо мной документ текст лех: «Техник Костенко обучил укладчикам бетона 38 человек, экскаваторщиками Козлов подготовил 50 экскаваторщиков». Из таджиков — землемеров Бадгисской ГЭС был замечен умехомленный почти весь штат обслуживающего персонала этой электростанции.

Постоянно пополняется, крепнет рабочий класс Таджикистана и в на-
ши дни. Несколько лет назад пришел на Нурикскую стройку Абдура-
хим Халимов. Вначале работал плот-
ником, потом — шофером. Сейчас он —
высококвалифицированный слесарь.
На Абдуракима восьмь сестер и
братьев, и каких-то из них тоже слесари.

брал в альбом из тех, что были сняты с этой страницы.

Типична для наших молодежных биографий легенда XVI «звезды ВЛКСМ» машиныцы холодильных установок на Ваххском азотнокулематическом заводе Назар Шекова. Онkinов профтехучилище, он уже шесть лет работает на новом для республики предприятии. Ударник коммунистического труда, Шеков постоянно перевыполняет производственную программу, освоил смежные профессии. Недавно передового рабочего привели в архитектуру.

Таких примеров много. И говорят они о том, что юное поколение ак-

тивно пополняет ряды самого революционного класса истории — рабочего класса, смело идет на решающие участки коммунистического строительства.

— Известно, что в силу социалистических исторических условий таджикская женщина считалась низшим существом, темью мухчины, была лишена элементарных человеческих прав. Одним из первых декретов Советской власти в республике был декрет об отмене уплаты калымов при женитьбе. Нарушители этого закона предавались суду. Партия, комсомол, вся общественность упорно вели борьбу за распространение среди женщин вспомогательной и активной трудовой вклада в общественную жизнь.

Канон роль женщин в хозяйственной, научной и культурной жизни республики (в. наим. дн).

— На Востоке говорили: «Лучше родиться камнем, чем женщины» — до того она была бесправной и забитой. Величайшим завоеванием Октября является раскрепощение женщины, которая наравне с мужчиной стала активной строительницей новой жизни.

Женщины-таджички трудятся во всех без исключения отраслях экономики и культуры, активно участвуют в органах управления. В народном хозяйстве республики занято 450 тысяч женщин. Красноречивы и такие цифры: более 120 женщин избраны депутатами Верховных Советов Союза ССР и Таджикской ССР, 9 670 — депутатами местных Советов.

Побывав в Советском Таджикистане, член делегации Иранского общества культурной связи с СССР Махмуд Бахор завил корреспондентам: «Когда имеются нужные условия, женщины Востока проявляют не меньше таланта и способностей, чем мужчины. Если бы во всех странах Востока были такие же возможности, то очень многие женщины смогли бы достигнуть такого же высокого прогресса, какой имеется в Таджикистане».

К этому, пожалуй, трудно что-либо

— Успехи, достигнутые Таджикской республикой, являются результатом самоотверженного труда, братской взаимопомощи и, конечно, творческой активности трудящихся. Что, на мой взгляд, должно делать колхозом для того, чтобы творческая инициатива, высокое чувство ответственности за порученные дела стали неотъемлемыми качествами каждого молодого человека! Каковы главные направления в этой работе?

— Вопрос широкий. Действительно, общество небезыразлично, какова должна быть участия каждого из нас в общественном производстве, как мы относимся к порученному делу. Речь идет о том, чтобы труд стал средством обходимости жизни, а карта, истинность которой проверяется практикой, — основой для новых открытий. Это не приходит само собой. Как в этом направлении должен действовать комсомол? Думается, прежде всего он должен активнее вовлекать юношескую и девушескую в движение за овладение современным производством, за овладение новыми научными достижениями, внедрение научных организаций в промышленность и культуру производства. «Политехническая» зеркала к вооруженным новизнами научно-техническими знаниями молодежь, — говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — сможет еще подтвердить

нне вносить свой вклад в общена-
родное дело строительства комму-
низма.

В заключение мне хочется выра-
зить уверенность, что юноши и де-
вушки солнечного Таджикистана, как
и всей нашей страны, приумножат
славу отцов, достойно продолжат за-
мечательные революционные дела
старшего поколения.

«Молодой рабочий должен быть мастером своего дела, служить примером высокой нравственности и культуры, высоко нести революционные, боевые и трудовые традиции рабочего класса».

Из приветствия ЦК КПСС участникам Всесоюзного совещания работников системы профессионально-технического образования

РОДОСЛОВНАЯ МАСТЕРСТВА

В тяжелые годы гражданской войны родилась советская професиональная школа. В 1920 году по инициативе комсомола возникли первые школы фабрично-заводского ученичества. Через 20 лет, в октябре 1940 года, указом Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» было положено начало единой государственной системе профессионально-технического образования, в учебных заведениях которой прошли подготовку миллионы молодых рабочих. Только в десятый пятилетке наше профтехучилище должно подготовить не менее 9 миллионов квалифицированных рабочих для всех отраслей народного хозяйства. Более 100 тысяч молодых рабочих одновременно с профессиями погибли в сражении обороны страны.

Население Советского союза, совершенствование системы профессионально-технического образования приносило не только те, кто сегодня готовят рабочую силу. Знены были известные писатели и художники, ученые и министры, ветераны труда и учащиеся. Разные люди, но труждаясь биография каждого из них начиналась в профессиональной школе. 1 200 участников совенчаний и почти столько же гостей собирались в Большом Кремлевском дворце, чтобы обсудить задачи, вытекающие из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании

вовании системы профессионально-технического образования».

Андрей Дмитриевич ФИЛАТОВ,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР
Герой Социалистического Труда
директор Магнитогорского
металлургического комбината
имени В. И. Ленина

ученничества на Магнитогорской была открыта за два года до пуска домны № 1. И первый чугун вступил вчерашние «фабричата», и был среди них оператор никсохимического производства Андрей Филиатов. Его биография похожа на биографию тысячи его сверстников: ФЗУ, рабфак, инженерное училище, инженерная доменная бригада. Столько лет и событий прошло, а он до сих пор отчетливо помнит и первую плавку и дни своего ученичества.

С каждым годом в цехах комбината появляется все больше сложной техники, нашим нынешним рабочим приходится все чаще иметь дело с электроникой и телемеханикой. Естественно, управлять таким оборудованием может только высококвалифицированный, грамотный человек. Вот почему наши требования к уровню подготовки

ни будущих рабочих непрерывно работают.

К училищам мы относимся, как к своим цехам, причем цехам основным. В приказе № 1, который определяет работу комбината на год, обязательно есть строчки о наших подшефных училищах, где точно указа-

42 года назад приехал Андрей Филатов к горе Магнитной с маленьким фанерным чемоданчиком. Магнитная горска еще не было, только горы развороченной земли на месте будущего комбината. Собирались стать строителям, а его послали учиться в ФЗУ. Первая школа фабрично-заводского

**ЭСТАФЕТА ТРУДОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ.
БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ,
24 октября 1972 года.**

мы обязанности начальников цехов и служб по организации учебы и практик учащихся, а также введение в практику учащихся на производственное оборудование, инструменты, наглядные пособия. Например, в этом году мы дали такие темы практик: «Сварка», «Металлургия».

Но главное, конечно же, то пойдет новая кропотливая работа по воспитанию рабочей среды, которую будут проводить администрации цехов, мастерами и преподавателями училищ. Своим открытием с ПТУ мы хотим, чтобы учащиеся и их родители поняли, что такое «ваш ученик» и «наш рабочий». С первых дней учебы мы молодой человек, входящий в нашу семью, и с его поступками несут полную ответственность вместе с мастерами, производственным обучением и шефами-наставниками.

Нагжан РАХИМЖАНОВА,
преподаватель математики
Карагандинского горного
профессионально-технического
училища № 2

A black and white portrait of a woman with dark, voluminous hair styled in a bun. She is smiling and wearing a patterned, possibly floral, top. The background is plain and light-colored.

— Мой родной край, Казахстан, в течение жизни всего лишь одного поколения людей из заброшенной, оторванной окраины Российской империи превратился в социалистическую страну, промышленную, культурную, образованную, интеллигентскую, просвещенную республику.

Гигантский промышленный прогресс нашей республики — результат помощи и поддержки всех народов нашей страны, всех слоев населения, всех отраслей промышленности великого русского народа. Доказательством этой бескорыстной помощи является формирование в Казахстане высококвалифицированной рабочей силы.

И горячим тем, что мне, молодой казахине, доверено обучение воспитанников молодого пополнения рабочего класса.

После окончания института я преподавала математику в старших классах одной из школ Караганды. А четыре года назад меня пригласили работать в профтехучилище. Казалось

бы, ничего не изменилось, и ученики и программы те же, но и в других педагоги быстро почувствовали, что учим мы не просто старшеклассников, а будущих рабочих.

Не умели значения других предметов, я думал, математика составляла фундамент общего и профессионального образования, без нее невозможно овладеть основами техники и технологии производства, стать на-

стремлениями.

Преподавание общеобразовательных дисциплин мы стараемся связывать с практическим обучением и видами, как знания, полученные на уроке, могут быть применены в практике. Постепенно лучшему усвоению материала по электротехнике, рудничному делу, геометрии и т. п. способствует то, что учащиеся, находясь в рабочем кружке, приходящие и мамы, могут побывать на горных выработках, посетить шахту, познакомиться с кипением из них стекловаренными заводами, а также с производством по особому плану. При мерно там же не работают для того, чтобы учащиеся могли увидеть, каким образом изготавливаются различные изделия. Учебные пособия, которые дают учащимся знания воспитанников, не только овдовевают полнотой предметов, но и дают им возможность и приобретают хорошие навыки — измерительные, графические и вычислительные, необходимые в производственной деятельности.

На выпускных экзаменах в этом году большинство моих учеников получили хорошие и отличные оценки по математике. И эти «пятерки» были подтверждены тем, что я ставила не всегда в обычной школе.

Юрий НАРЫШКИН,
учащийся московского ГПТУ № 148

— Наше училище существует третий год, и я был среди тех, кто впервые открывал его двери. Наверное, мне повезло: был первым, и тогда ни-

наного конкурса не было, а теперь желающих поступить в наше училище очень много.

— Чем это вызвано?

— Наши базовым предприятием является авторемонтный комбинат, а кто из ребят не хочет работать в промышленности? А этот завод в детства считал родным у меня родители там работают. Я и раньше, если видел на улице «Москвичи», гордился страшно, а сейчас и подавно. Наш уже кое-что доверял на заводе делать самостоительно.

— Когда готовы начинать?

Токарь фрезеровщиками, наладчиками токарных автоматов, операторами электронно-вычислительной техники.

— А твоя будущая специальность?
— Слесарь-инструментальщик.
— Что тебе больше всего запомни-

— Тот момент, когда ветераны труда вручали нам, учащимся, знамя. Ведь среди этих ветеранов были Станихов, Быноградов, Бусыгин — люди, о которых в наших учебниках написано. Волновалася я страшно, а знамя, держкая руки дрожали, и хотя все происходившее вскруг было как в тумане, этот момент я запомнил на всю жизнь.

Бодо ВАЙДЕМАН,
государственный секретарь
по вопросам профессионально-
технического образования
при Совете Министров ГДР

— Товарищ Вайдеман, в новой конституции вашей республики сказано, что «все подростки обязаны приобрести специальность». Как выполняется это требование основного закона ГДР?

— В настоящее время 99 процентов всех выпускников школ приобретают профессии. Наибольшая часть наших

молодежи заманивает общебазованный образовательный процесс. Если на базе 85 процентов подростков из первых классов школы пошли в девятый класс, а оттуда в десятый, то в 1975 году их было 95 процентов. И это несмотря на чрезмерную специализацию выпускников девятого класса: момет выбрать один из двух путей: пройти двухгодичное профессиональное образование, либо другого он получает свидетельство навыкоизированного рабочего, а также право поступления в среднюю специальную учебную заведение. Или же брать трехгодичные курсы юношеской юности и девушки вместе с профессиями: юристом, врачом, инженером, геодезистом и т. д. Итак, можно говорить о том, что аттестат зрелости у нас выдается по очнончаниям 12 классов.

Ежегодно в наши профессиональные школы поступают около 200 тысяч молодых людей и становятся жертвами советской рабочей программы. В этой пятилетке наша система предстоит подготовить более 900 тысяч квалифицированных рабочих, которые в следующем десятилетии будут решающим образом участвовать в создании национального богатства.

Какой выбор профессий у тех, кто подготавливает себя для жизни в будущем?

— 15 лет назад мы готовили рабочих 972 профессий, а сейчас их количество сократилось до 305. Но возможность выбора у нашей молодежи не уменьшилась. Появились профес-

сни с весьма широким диапазоном применения ее в какой-то одной отрасли (кавалифицированный рабочий-строитель, квалифицированный рабочий-химик, агротехник) или даже в несмежных отраслях (мвалифицированный рабочий по электронике, квалифицированный рабочий по электронной обработке данных). Они охватывают большое число специализаций, которые ранее были узконаправленными профессиями.

— Тысяча сто наших профессиональных школ и училищ, расположенных во всех уголках республики, дают возможность каждому подростку выбрать себе профессию по душе.

— У вас есть дети?

— Да, дочь, Эльне. Она скоро должна получить диплом квалифицированно-

го рабочего по электронике.
— Приходилось ли вам бывать в наших профтехучилищах?
— Да. И во многих. Мне нравится, как на вас поставлено обучение, как оборудованы учебные набинеты, лаборатории и мастерские, какие созданы условия, чтобы каждый подросток мог совершенствоваться и развиваться на ярким.

дении есть все возможности получить и хорошую специальность и образование.

Комсомольцы в первых рядах

Николай ПОНОМАРЕНКО,
секретарь комитета комсомола завода

— Прежде всего должен сказать, что проблемы, связанные с новым комплексом ГТО, нас особенно не мучают. Почему? Да потому, что спортивные интересы у нас есть во всем, и когда зимой вышло постановление о введении комплекса, мы не были застигнуты врасплох.

Спорт у нас на заводе в почете. К услугам рабочих стадион «Авангард», два больших спортивных зала, восемь малых залов, десятки различных площадок на территории завода рядом с цехами, около обшитых деревом заводских жилых домов. 30 видов спорта культивируются в клубе, и буквально каждый рабочий может найти себе занятие по душе.

Но естественно, что комплекс ГТО потребовал от всех нас — я имею в виду не только комсомольцев, но и обычных организационных форм. Была создана комиссия по организации комплекса ГТО на заводе А. Лебедевым, в которую вошли представители партийной, комсомольской, профсоюзной организаций. В каждом цеховом комсомольском скром борьбы выбраны ответственные за сдачу нормативов.

Когда было поднято флаг спартакиады, комсомольцы первыми приступили к сдаче норм. Но... С этим япон мы столкнулись довольно скоро. Хотя у нас на заводе немало спортсменов-разрядников, десятки волейбольных, баскетбольных и футбольных команд, выяснилось, что всем, даже постоянно занимающимся спортом, под силу некоторые нормативы нового комплекса. Оказалось, что нужно соответствующим образом подстроиться.

Вот в это сейчас и занимается Комитет регулярно заспускает информацию о положении в цехах и цехах, совместно со спортивным оргвнитом тренировки для новичков, привлекая к их проведению наших лучших спортсменов-комсомольцев. Мы не горимся сейчас за большими цифрами, не стремимся поскорее проторапортовать. Мы хотим, чтобы комплекс ГТО pronto вошел в жизнь каждого молодого рабочего завода. Именно на это надеяны и нациклиают решения VII Пленума ЦК ВЛКСМ, поданные перед всеми комитетами комсомола вполне конкретную задачу: воспитывать у юношей и девушек стремление постоянно заниматься спортом.

Тысячи добровольных помощников

Евгения БАРАНЕНКО,
старший инструктор-методист СК «Заря»

— Нас семь — штатных инструкторов клуба. За каждым закреплено определенное количество цехов. Инструкторы на рабочие работы были бы очень нужны, особенно сейчас, когда внедряется в жизнь новый комплекс ГТО, если бы не начинки добровольных помощников, которые занимаются развитием физкультуры и спорта на заводе.

О каждом из них можно рассказать немало интересного. Вот, например, токарь Власенко. Всегда спокойный, отзывчивый, чуткий. Отличный производственник, прекрасный товарищ. Два созыва подряд он был депутатом Верховного Совета СССР. Авторитет Николая Васильевича непрекращает во многих цехах клуба в первых рядах. Своими работами он довел в страну здоровье и бодрость! Молодежь тянет за него, берет с него пример. Каждому лестно играть в одной команде с таким человеком, выступать вместе с ним на соревнованиях. Власенко, хотя и не молод, одним из первых начал сдавать нормативы ГТО.

Стон ли удивляться, что в цехе оснастки много физкультурников, что цех идет в числе передовых в спартакиаде ГТО! Слесарем начал свой трудовой путь его начальник О. В. Тарасенко. Учился в институте, играл в цеховых и заводской волейбольных командах. Первый разряд по волейболу и диплом об окончании машинострои-

Девять интервью о комплексе ГТО

на Ворошиловградском тепловозостроительном заводе имени Октябрьской революции

— Едешь в Ворошиловград — узнаешь о своей командировке, первым делом знаменитый «Большой ГТО» из «Заря»? Что же, это сейчас модно. О «Заре» много пишут. Да, правильно. Чемпион, как известно, — это всегда первый.

— Я в Ворошиловграде бывал, — напутствовал меня мой коллега, спортивный журналист. — Самое главное, что я тебе скажу, — это знаменитая сессия. На всю страну известна Ю. Яблоновский, А. Кидлев, Н. Варва, В. Михайлов, Г. Дяченко все эти люди. Их впечатления о «Заре» и «Большом» занимаются. Семь раз подряд победителями всесоюзных соревнований становились. И на по следней Спартакиаде народов СССР — первыми были...

Стиущий все эти спорты и думает о другом. Отличники спорта, новые знаменитости, молодые штангисты, прекрасные легкоатлеты, волейболисты — все эти люди одна сторона деятельности завода. А другая — производственная. Меня же интересовало ее основание. Не знаменитые спортсмены, которые приносят «Заре» славу во всем мире, а те, кто создает условия для такой известности ограниченными пределами области, города, завода, цеха. По гребне волн трудится судить об этом. И вот я нахожу в цехе тепловозостроительного завода имени Октябрьской революции. Я хотел встретиться не со знаменитостями, а с обычными рабочими, которые физкультурой, которая и обеспечивает ту славу, мастерство, рождающую согласно известной формуле, подлинное спортивное мастерство.

Я начал с своими собеседниками вопросы, связанные в основном лишь с комплексом ГТО. Но их ответы оказались шире общего понятия. Их задача — не только сдача нормативов спутнику в жизни, о том, что ГТО не самоцель, а способ обрасти этого спутника.

ЯРКИЙ СВЕТ ‘ЗАРИ’

«Физическое развитие, здоровье молодежи, ее готовность к труду и обороне — главный показатель эффективности спортивно-массовой работы комсомола».

Из постановления VII Пленума ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций по внедрению в жизнь комплекса «Готов к труду и обороне СССР».

Сергей КРУЖКОВ,
Виктор САКК (фото)

тального института он получил почти одновременно. Глядя на своего руководителя, и весь этот цех коммунистического труда тянется к спорту.

Инженер ЦКБ М. М. Бурка — энтузиаст борьбы самбо. Немало молодых рабочих привлек в секцию. Четверо его учеников стали мастерами спорта. Старший вальцовщик прокатного цеха Г. С. Борисов на общественных началах руководил секцией городенников. Ни разу ученики не выходили побежденными из любительских соревнований. А всеми из них получили знатки мастеров спорта. За это Борисову было присвоено звание «Заслуженный тренер СССР».

Я рассказала о нескольких наших активистах. А таких людей на заводе тысячи. Точнее, 3 649 инструкторов-общественников ведут ежедневную работу по развитию физической культуры и спорта.

Легче дышится

Борис ИСАКОВ,
презервативы,
мастер спорта

Десять лет назад я впервые переступил порог спортивного зала. Переступил с робостью: я вдруг не приумел! Но тренер Николай Степанович Престинский, он и сейчас работает в клубе, встретил меня приветливо и пригласил посещать секцию регулярно. Вскоре я выполнил норму третьего разряда, а через четыре года сбылась моя мечта — стал мастером спорта.

В начале лета я начал сдавать первые нормы ГТО — лёгкую атлетику, стрельбу, турнирную и тому. Признаюсь честно: начали тренировки на стадион без веселых перебранок, да и гуши считая, что все эти упражнения и метания гранаты мне, штангисту, никак не идут. И ошибся. Не скажу, что мой личный рекорд уж очень ворос, но, во всяком случае, общесфераическая подготовка помогает мне в моем любимом деле.

Меня часто спрашивают: а не тяжело ли, простоя смену у станка, ворочать железо в зале? Не тяжело! Наоборот. Чувствую себя бодрым, здоровым, не помню, когда болел. После тренировки и усталость трудового дня проходит, и дышится легче, и силу в руках чувствуешь. Да и работать на следующий день легче. Я сменное задание на 130—140 процентов выполняю.

От мужчин не отстаем

Тансия КУРИЛОВА,
зав. копировальным бюро,
председатель совета
коллектива физкультуры
отдела главного технолога

— Семья, дети, домашние заботы — все это, как известно, отнимает у женщин значительно больше времени, чем у мужчин. Но когда пришло из моих подруг стремление отпраздновать подобными причинами свое нежелание заниматься спортом, я не стала им пример копировать. Раньше Донубарову, Переораздрица по легкой атлетике, баскетболистка, она успевает и участвовать в соревнованиях, и учиться, и воспитывать двоих детей. И муж — он работает у нас на заводе дизелистом-испытателем — втунду в занятия спортом.

Признаюсь, с женщинами мне тяжелее, чем с мужчинами. Они менее активны, больше слов и времени приходится тратить на уговоры. Но работа по вовлечению женщин в занятия спортом, в подготовку к сдаче норм ГТО не прекращается ни один день.

Молодые привлекают в секции, в команды — на заводе 20 женских волейбольных и баскетбольных команд, регулярные соревнования проходят по легкой атлетике, настольному теннису, гимнастике. Тем, кто постарше, предлагаем заниматься в группах общефизической подготовки, достаем путевки на заводскую оздоровительно-спортивную базу. Короче говоря, стараемся, чтобы все женщины приобщились к спорту.

Цепная реакция

Анатолий РЫК,
специалист, перворазрядник

— Никому не нужен ГТО так, как нам, футблистам. Ведь в футболе, как ни в каком другом виде спорта, важна общеспортивская подготовка. Поэтому никого из моих товарищей не пришлось уговаривать сдавать нормы. Самы первыми пришли на стадион.

У нас на заводе футбол — вид спорта номер один. С тех пор, как наша «Заря» пробилась в высшую лигу, каждый молодой рабочий мечтает стать классным футболистом. Конечно, в команду мастеров удается попасть не каждому. Но пример Анатолия Куксова, который даже вошел в олимпийскую сборную, Владимира Абраамова говорит о том, что это вполне возможно. Оба говорят о том, что это вполне возможно. Оба говорят о том, что это вполне возможно.

Вот так, когда на старших, начиная играть в футбол мой товарищ Юрий Зверев. Выступал за цех, потом — за заводскую команду на первенство области. А кроме того, взялся тренировать мальчишек из своего микрорайона. Вместе с ними создал команду «Орешек». И крепкий «орешек» оказался: в республиканских соревнованиях «Кожаного мяча» выиграл первое место.

Стал здоровее

Анатолий МОЧАЛКИН,
специалист-ремонтник, мастер спорта

— Когда я пришел учеником на завод, то никакими видами спорта не занимался. Да и куда мне, считал: ни ростом, ни весом не вышел. Но, конечно, заявлял ребятам: что я футболист, что в волейбол, кто в настольный теннис — у нас в тепловозомеханическом почти все спортсмены. Как-то встретил я мастера спорта Анатолия Сало-махина, и он говорит: ты, мол, к нам иди, в борцовскую секцию. Пришел, как сейчас помню, 29 апреля 1969 года.

Сначала, правда, трудно было. Всё меня на ковер бросали. Но потом научился. Получил третий разряд, второй, первый. А год назад областные соревнования в своем роде выиграли и вошли в сборную области по спорту. То было часто, а теперь за три года ни разу даже гримпа не было. В весе на смене килограммов прибавил: было 42, сейчас — 49. И работать мне стало легче. После ученичества я долго на втором разряде сидел, а теперь собираюсь получить пятый.

Нормы ГТО я сделал, но не все. Вот с плаванием пока не получается: никак не могу уложиться в контрольное время. Но, думаю, скоро я своего добьюсь: мне, мастеру спорта, без звания ГТО просто стыдно.

Воспитание спортом

Александр САМСОНОВ,
комсомолец экспериментального цеха

— Если бы вы приехали к нам через год, я бы, наверное, смог сказать, что все комсомольцы нашего цеха получили звания ГТО. Почему я так уверен? Да потому, что у нас в цехе почти все спортсмены, все любят спорт. Принцип мы рассматриваем спорт не только как средство укрепления здоровья, проведения досуга. В спорте здоровьем проявляется характер человека. Смелость, решительность, стремление притянуть на помощь товарищам — спортивные способности. Бумажа, вымысел эти качества. Кроме того, спорт развивает коллегиальность, помогает выражать чувство лояльности. И, наконец, спорт не просто внутренне дисциплинирует людей, приучает их к порядку, но имеет и огромное воспитательное значение, является одним из важных средств укрепления трудиной и производственной дисциплины. У нас в цехе, например, в последнее время нет ни одного нарушения. И в этом заслуга цеховых спортсменов.

Мы стремимся, чтобы все молодые рабочие участвовали в Всеобщем экзамене по физической и военно-патриотической подготовке. Когда же новичок приходит к нам в цех, мы первым делом интересуемся, чем он увлекается, какими видами спорта занимается. Если у парня или девушки есть разряд или хотя бы желание его получить, приглашаем на тренировки, на соревнования, принимаем в свои команды. Если же новичок не занимался раньше спортом, предлагаем ему занятие по вкусу.

Экономическая целесообразность

Михаил НАЙШ,
главный инженер завода

Мы решили установить, как влияют физкультура и спорт на трудовую деятельность. И вот что выяснилось:

производительность труда у занимающихся физкультурой выше, чем у других рабочих, в частности в цехах: в физоснесталепитном — более чем на 10 процентов, в тепловозомеханическом — более чем на 6, в тепловозоремонтном — более чем на 18;

зарплатная плата у рабочих-физкультурников выше, чем у тех, кто не дружит со спортом: в физоснесталепитном — на 8 процентов, в тепловозомеханическом — на 3, в тепловозоремонтном — на 14;

потери рабочего времени у занимающихся спортом ниже, чем у остальных рабочих: в физоснесталепитном — в 4 раза, в тепловозомеханическом — в 6 раз, в тепловозоремонтном — в 4 раза;

всё тем более и убедительное доказательство экономической целесообразности и необходимости самого широкого развития физической культуры и спорта. Наши хозяйственники давно поняли эту истину. Администрация завода совместно с партийной, комсомольской и профсоюзной организацией оказывает всесоскую поддержку спортивному клубу в этой работе.

Как это делает «Заря»

Иван ЯКОВЛЕВ,
председатель правления спортивного клуба

— Прежде чем перейти к сегодняшнему дню, я работе по новому комплексу ГТО, познакомлю вас с тем, что было раньше. Звание спортивного клуба коллектива физкультуры тепловозостроительного завода присвоено в 1961 году. Уже тогда на предприятии было немало физкультурных групп. Но, чтобы организовать спортивную работу после пропаганды в 1964 году Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дальнейшем развитии физической культуры и спорта.

Опыт накапливался постепенно. Первое время мы не дифференцировали участников. Цеховые команды выстраивались с 1-го по 33-е место в зависимости от результатов. Но терялся стимул: в принципе цеховому коллективу физкультуры было безразлично, какое место заняло 15-е или 25-е место. Поэтому в 1968 году в постановлении ЦК ВЛКСМ «о работе комсомольских организаций по внедрению норм комплекса "Готов к труду и обороне"» было сказано, что «должны быть организации спортивно-массовых работы среди молодежи в трудовых коллективах, членов профсоюза, их семей, а также у "Заря" нет проблем, нет нерешенных задач».

Почти половина работников завода — физкультурники. Присоединяясь к «Заре» в 1968 году, мы не имели спортивных групп. Поэтому в первые годы работы в спортивном клубе «Заря» занимались, в основном, члены комсомола, а также представители политического просвещения, занимавшиеся рационализаторством и изобретательством. На заводе открыты спортивные секции для детей и подростков, для помощи во всех этих делах. Как приобщить к нему новых тысячи рабочих? Четыре и якобы последние группы были дифференцированы. Правда, в постановлении ЦК ВЛКСМ «о работе комсомольских организаций по внедрению норм комплекса "Готов к труду и обороне"» было сказано, что «должны быть организации спортивно-массовых работы среди молодежи в трудовых коллективах, членов профсоюза, их семей, а также у "Заря" нет проблем, нет нерешенных задач».

Сейчас к этим двум критериям прибавился третий — количество сдающих (именно сдающих, а не уже сдавших) нормативы ГТО. Мы должны совместно, спортивные и решили организовать параллельно в одну спартакиаду — специальную спартакиаду ГТО.

В заводских соревнованиях принимают участие в основном сборные команды цехов. Они состояны, как правило, из хорошо подготовленных спортсменов. Но ведь цель ГТО — в первую очередь приобщать к занятиям спортом именно те люди, которые с ним раньше были не очень дружны. И, кроме того, не все нормативы комплекса входят в программу нашей заводской спартакиады. Поэтому и было решено проводить массовые спорты по сдаче нормативов комплекса отдельно. В 1970 году, когда впервые состоялась спартакиада ГТО, мы еще раз убедились, что поступили правильно: в Постановлении Пленума ЦК ВЛКСМ мы еще раз убедились, что поступили правильно: в Постановлении Пленума специально обращается внимание на необходимость проводить соревнования среди комсомольцев и молодежи по многооборудо комплекса ГТО.

Прежде чем организовать их, были проделаны огромная подготовительная работа: созданы спортивные бригады, подготовлены стадионы и спортивные базы. Мы заполнили сведения о возрастном контингенте наших рабочих в электронную машину и получили точные данные о том, сколько человек в каком возрасте, каких профессий на заводе. Третьего дня поговорили с главой администрации о том, чтобы вспомогательные рабочие, в соответствии с этим составили план работы.

К настоящему времени около шести тысяч рабочих и служащих завода уже выходили на спорты ГТО. Но я бы не хотел заострять внимание на этом цифре. И вот почему. Во-первых, из этого числа только 55—60 процентов упомянуты в конторные нормативы. Во-вторых, мне думается, что в таком деле, как внедрение в жизнь комплекса ГТО, погоня за цифрами только вредит. Здесь нужна планомерная, тщательная подготовка. Мне кажется, что четверть и пятая ступени комплекса (а большинство наших рабочих относится именно и этим возрастным категориям), согласно положению, рассчитаны на два года. Что же касается молодых рабочих призывающего возраста, сдающих нормативы третьей ступени комплекса «Сила и мужество», то все они проходят подготовку в нашем военно-спортивном лагере.

* * *

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление, что у «Заря» все идеально. Да-спортными науками. Воронежским радио-телефизионным центром введен в практику. Оценка нормативов считается одним из лучших в стране. Два года назад при подведении итогов смотро-конкурса, организованного в областном совете общественных профсоюзов, он был назван первым из 10 тысяч профсоюзных коллективов физкультурно-оздоровительной направленности, что у «Заря» нет проблем, нет нерешенных задач.

Почти половина работников завода — физкультурники. Присоединяясь к «Заре» в 1968 году, мы не имели спортивных групп. Поэтому в первые годы работы в спортивном клубе «Заря» занимались, в основном, члены комсомола, а также представители политического просвещения, занимавшиеся рационализаторством и изобретательством. На заводе открыты спортивные секции для детей и подростков, для помощи во всех этих делах. Как приобщить к нему новых тысячи рабочих? Четыре и якобы последние группы были дифференцированы. Правда, в постановлении ЦК ВЛКСМ «о работе комсомольских организаций по внедрению норм комплекса "Готов к труду и обороне"» было сказано, что «должны быть организации спортивно-массовых работы среди молодежи в трудовых коллективах, членов профсоюза, их семей, а также у "Заря" нет проблем, нет нерешенных задач».

Еще мы все спортивные секции работают достаточно четко, но вспомогательные секции, которые включают в себя спортивные секции, не имеют организационных взысканий. Зимой, например, спортивные секции замерзают. Правда, грядущий отпуск, который у нас впереди, поможет решить эту проблему. Но морозы бывают кратковременные, заморозки, замерзания, а зимой — бес漫长的.

На заводе ведется большая работа по внедрению нового комплекса ГТО. Однако упор делается ли на одну сторону — спортивной. А в полном комплексе ГТО, который включает в себя спортивную, физическую культуру, социальную, политическую, физическое воспитание, овладение практическими наставками личной и общественной гигиены, правилами поведения в обществе, этикой, этическими нормами, выполнение утренней гигиенической гимнастики. Эта сторона комплекса является пока самой слабой, самой проблемной.

На тепловозостроительном заводе все — от директора Героя Социалистического Труда А. Н. Турикова, который и сам подает пример — до директора спортивной секции, до директора цеха, до директора спартакиады ГТО — в равной степени заинтересованы в том, чтобы сделать спортивную секцию лучше, чтобы она стала интересной для рабочих. И в этом смысле, я думаю, что в «цехах здоровых» были открыты для всех тепловозостроителей. А это и есть самое главное.

ПОЧЕРК И ЛИЧНОСТЬ

Не сочинивши ни романа, ни повесть, не написавши ни одной строчки, я занимался тренингом руки, усердно вырабатывая подпись.

Заныли глаза и вновь глаза открыты, на лекциях, а также в перерывах, испытывая дневное блаженство, я трудно домогалась совершенства.

Расписывалась пяткой по порошку, пальцем в небе, углем на стене. Поднимала завиток

и кривил кисть покороче —
состою винченым представлялось мне.
Когда же в ходе долгого чинения
карандаша, чего хотел — достиг,

вдруг сам собой выработался стих
и сразу написались сочинения.

Сосредоточен, деловит и тих,
над подписью надписывал я их.

ЗВЕЗДА НОВОСТРОЕК

Звезда стройплощадок —
над башенным краном фонарь
у строев палаток
горел сквозь осеннюю хмару.

Когда зажигалась,
когда поднималась,
он людям казался
Багровое Марса.

Звезда новостроек
Багровый планет —
и ярок и стек
торжественный свет.
Горел, обливаясь
вонки
темноте, тишние,
и целого края
судьбы
в том читалась огне.

Лет через десяток,
в восемидесятых,
звезды стройплощадок
объявили дополнимые звездой,
но там ее видел еще молодой.

Ты помнишь, как вечером свет
зажигался,
отчего лико видимый
со всех сторон.
Ты помнишь,
как техник сердито
ругался,

когда зажигался
и не повремя он.

ПРИВЯЗЫВАЮЩАЯ МЕЛОДИЯ

Глухая музыка, затертая стеной,
сочащаяся, словно кровь сквозь
марлю, как рыженький котенок малый
узыывается вслед за мной.

Что требуетесь музыке глухой,
невзрачной песне
от меня! Немного.
Молчанием почти немого —
учитывается слух плохой, —

а также подчинения всего:
походки, ритма и существование
ее захартия, чарам, волхвованью,
владчеству.

А больше ничего.

БЕЛЫЕ РУКИ

С мостиков, сколоченных из старой
тары, но резонирующих на манер гитары,
с мостков,
видавших всякие былья,
стриала женщина белье.

До синевы
и добела
оттерла фиолетовый
отмыла голубой,
и на мостах стояла после этого,
в речонке отражаясь с головой.
Ее цвета цветы, словно цветы,
вдыхали в душу спадное смятенье,
и удвояла речка
красоты
невиданный
исподнее и тельное.

Казалось, что закат затем горят
и ветер нагоняет звезды снова,
чтоб освещать и стирать древней
ритм
и вечный ритм
течения речного.

Над белой пеной мыла,
белой пеной
реки,
белая белизна рук:
она то нагибалась постепенно,
то разгибалась вдруг.

Белели руки белые ее,
над белизной белья белели руки,
и бормотала речка про свое —
какие-то особенные звуки.

НОЧЬ

Не глушь, а спесь,
Не темь, а пустыня.
Где высота, где высота,
где долгота, где широта.
не разбериши: ни вехи, ни отметки,
и в небесах ни Альфи, ни Омети,
и на земле ни больше, ни черта —
мольчание. Мир словно черный
кладезь.
И это — на окраине Москвы!
Часы ручные, как ручные пыль,
ревут с руки, что с вечностью
не сладишь.

ПУСТАЯ КОМНАТА

В комнате без занавесок,
с голям пустынней стен
свет особенно резок,
слишком ремнужа тень.
Комната открывает
взглядам
стол и кровать
и ничего более не имеет —
ничего ей не требуется.
Испещрены обон
путаницею следов,
темною и рабою:
это прошла любовь.
Это содраны фото.
Это кляк поток.
Словно прошла пехота,
не вытирая ног.
Выдраны с мясом гвозди,
втыкающие в землю прудят.
Скоро новые гости
в комнату эту придут.

ПОРТРЕТ ВОЛНЫ

С спиной к ону, к натуре, к морю,
как Айвазовский в старину,
с натурой ахвоненно споря,
лиши волну.
Слины к ону.
Пишу не только цвет — и запах,
раскраску, так же, как разгон,
когда волна на задних папах
пружинится перед прижком.

Не уважая факта голого,
лиши свой трепет, свой испуг,
свой ужас:
через мою голову
она на холст пленсунла вдруг.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

КАК СМОТРЕТЬ
НА НОЧНОЕ НЕБО

Созерцанье неба звездного,
человеческого и земного,
человечей, проще, лучше
без опознавания звезд,
та звезда или не та ли.
Все забудь
и слушай
справа
перемалчиванье звезд.

Последний дом Москвы,
в дальне — москва,
дороги и мосты,
деревья и травы.

Последний дом, последний дым
над ним,
от меня седым.

Чуть ранее газет
в витрине с утра.
Темнеть белый свет,
но мне уже пора.

Поспешив прохожу —
ступею до зари —
и словно бы гашу
собою фонара.

Последние звезды
бледнеют в небесах.
Грохочут поэзия
на истовых басах.

И загород спешит,
а пригород бежит,
и пыль над ним пущит,
и рельсы под ним взметут.

Отbrasывая тепло —
пускай до ночи ждет,
большой рабочий день
по городу идет.

БЕЗ НЕРВОВ

Родители были нервные,
кричали, возбужденные.
Соседи тоже нервные,
угрюмые, как побежденные.
И педагоги тоже
орали, как могли.
Но, как им удивляться,
мне они помогли.

Отталкивались от примеров
в том распорядке исконном,
я перестала быть нервными,
напротив, стала спокойным.
Духом противодействия
избрала эта борьба
и вырвалась в детство
и не кричала никогда.

ты взрослая, ты умная, я не хочу вмешиваться в твою жизнь.

Сегодня, как вчера, как каждое утро, одни и те же слова.

Наташа, торопливо завтракая в маленькой белой кухне, ждет, когда мама наконец успокоится, поймет, что ничего изменить нельзя. Смешная мама! Разве оттого, что она скажет, что ей уже двадцать шесть и она будет ему лучше женой в мире, что-нибудь изменится?

— Всегда оптимистично, мама!

— Поговори с мамой. А то нечего?

Хочешь, скажу тебе правду? Я сама ничего не знаю.

Он старше тебя на десять лет...

Ну и что! Просто я, вероятно, не та женщина, какая ему нужна. Считал бы нужной; устроили бы мы эту самую свадьбу, и перестала бы ты врать тебе Нине, что у меня ночные записи и командировки.

— Значит, он тебе не любит.

— Ольга двадцать пять...

— Это все у вас очень скоро кончится, если ты не будешь думать о жизни.

— Хорошо. Я буду думать о жизни. Я опаздываю. День сегодня сумасшедший — сядо передачу...

Домой, конечно, опять не приедешь...

— Приеду. Он сегодня улетает.

— Ты должна поговорить с ним.

— Ну ладно, я поскажу.

— Ольга я тебе испортила настроение перед работой...

— Тебе легче?

— Нет.

— И мне не легче.

Наташа выходит из парадного и бежит через зеленый садик на автобус. Болванка сидит и «уплы, не упусти!» И тетя Нина и все со всех сторон: «Лопа, дары!»

В самом деле, нужно поговорить, думает Наташа, покинувшая в топличе утреннего автобуса. Но уж если по самому большому счету, не обманывайся, что она ему, этому здоровенному, увеско славному человеку?

И что он в ней нашел, этот хозяин неба, по которому, наверно, скончалась стюардессы, майчины и радисти от «Владика» до «Минвод!» Но вот нашел же что-то...

Она красивее других? Нет. Хороша собой? Пожалуй, да, и то, когда не задергана редакторами. Рыжая. Где-то привыкли татары — глаза с раскосинкой. Пикантная девочка. Умнее других? Нет и нет. Второй год они вместе. Вместе! Из них встали хороши, а мы слышили три месяца. А все кругом говорят, что они влюблены.

Стон ему позвонить, и она, забыв все на свете, примчится к нему, ему нравится таскать ее с собой и дразнить, с улыбкой слушать ее умные разговоры, но разве он не понимает, что все это ей не так легко дается? Понимает, конечно. Делает вид, будто не понимает. Любят? Он этого ей никогда не говорил.

Неужели ей первой заводить этот разговор? Самой рубить концы? Сегодня он улетает. Он идет в свой самый тяжелый рейс.

— Улицы Королева, — рокочет динамик под потолком автобуса, — следующая остановка Телецентр.

В редакции ее тотчас втягивает в бешеное колесо последнего предэфирного водорогута: бумаг, текстов, поисков пропавших роликов кинопроката, звонков...

Галка встречает на лестнице: «Забегай ко мне, детка!» Забежала. Закурила. Киноджинки из Галкиной редакции прихватили свою «флексы» — и на объекты, за сюжетами, вечерний выпуск вагранки. Осталась вдвоем. Галка с ножом к горлу:

— Как у вас с летчиком? Давай не темни, я все вижу. — Всё-то всё видят. — Не будь, Натка, дурой.

Но том и расстались, разбежались по этажам.

А Лещик не ним дома, ни в штурманской. Неужели не удается попрощаться с пилотом, как будто, скажем, мыслился недругом? Телефон под подушку! Или... А что «имян» Никанова имели, Ну ладно, Гузик Алексей Петрович... Мы это тебе припомним. будто рулем самому снять трубку, набрать номер. Прилетай только — будет разговор. Видно, и правда пора.

Если вы любите аттракционы — всякие там качели, карусели, чертова леска... — садитесь в машину к Лешке Гузину. Не прогадаете. Совершенно бесплатно вы получите кучу удовольствий.

Но каждый, кто хоть раз гонял с ним из Москвы в Домодедово, сидит снова в его кабине-«шаре». А еще если в кабине, между прочим, находятся пилот и спортивные две с полосками вымпелы, ни за что не сдается. Проверено жизнью. Надо видеть! Лещу за рулем. Надину аэрофотографическую фишажку на темные хохочущие глаза. Лешка в голубой шапочки рубашке бле-кается двумя пальцами обмятенной красным проводом «баранки».

— Прошу, — небрежно роняет, расплахивая перед вами дверцу.

Вы усаживаетесь, а он вставляет в замок замкина ключ с веселеньким брелоком:

— Ну, какой расклад?

Если вы человек опытный и мало-мало сечете в жизни, вы ответите в тон:

— Семь червей!

Тогда он довольно хмыкнет, тряхнет своей большой головой мексиканско-го бомжка — скользястый, с присосынутым носом, с толстыми красивыми губами — и скажет:

— Ну прикрепись! Что там ракли...

Откинувшись на спинку сидения, почти не переключая скоростей, Лешка дует на четвертую. Машинки не машины, люди не люди — он несется вперед, и вы чувствуете, как мотор тянет вас все дальше по зачумившей от солнца и бензина Варшавке. На поворотах вас щипает по машине, как ту дробинку, что закладывают в пластмассовый шарик детской погремушки. Разбегаются прохожие, наполовину высываются из кабинок головы по пояс самосвалышками, грязь вам вслед здоровенным кулаками.

— Пикник! Кричат они, перекрывая рык своих дизелей. — Бандит!

Но Лешка не бандит и не пикник. И это, видно, давно поняли все инспекторы ГАИ Домодедовской трассы, потому что они никогда не свистят ему в спину и не записывают номер.

— Привыкли! — смеется Лешка, ловко пристранявая в «зеленую волну».

Хоть бы раз штрафнули!

— Все до разу! — нервно говорите вы, опасливо проверяя, хорошо ли закрыта дверца. Уласи бог, вывалиться на такой скоростенке. Убьешься!

— Мой раз уже был! — щурится Гузик на солнце и улыбается дороге светофорам, постыдился.

Так на газах он прикатывает к порту и сегодня. Набрасывает синий китель с командирскими нашивками, выбирается из кабинки. Облегченно срывает рессоры. Лешка обходит пару раз вокруг «Москвича», стучит ногой по бамперам, выглядит «секретом»: авиации есть авиац, черт его знает, сколько придти в стране живеец без хозяина... Смотрят на ручной зонд метр — время топтать в отряд.

— Здорово, бухгалтерия! — басит, просунув голову в штурманскую. — Ка-какая погодка-то, а! Не захочешь — полетишь!

— Леха! Гузик! — стонут штурманы. — Тут тебе звонили, звонили, мы тут и трубку не снимаем. Пользуясь, сокол, успехом!

Феликс ВЕТРОВ

Рисунок автора

РАССКАЗ

ДВЕСТИ ПЕРВЫЙ ПАССАЖИР

— Бывает, — смеется Лешка, лукаво прикрыв глаза. — Где моя команда? — будто не знаешь. Покрутились-покрутились, видят: нет тебя — и не стоянку.

— Ясно. Наша марка. Ладно, парни, до скорого.

Помахивая портфельчиком, таким маленьким в его крепкой смуглой руке, Лешка топотом поклыхивается по узкому коридору, сплюсывая завешанную на поле, высокенный, круглоплечий, и широко шагает по горячему от июньского солнца Бетону.

— Эй! — кричит водителю длинногого, рычащего, китоподобного «КЗ» — керосиноплаварщика. — На какую пиницу?

Тот тормозит, обдавая Гузину синим дымом солярки.

— Ни короковую.

Лешка прыгает на подножку и так, держась за скобу в кабинке, едет между самолетами. Одни стоят неподвижно, шипят турбинами, другие катаются, разворачиваются на месте, раскручивают винты до звенящего рокота, рулят по дорожкам. Снуют автотрапы, сопроводительные желтые «клипсы» с мигалками наверху.

— Жара! — кричит водитель сквозь рев мотора. — Как мышь мокрый!

Лешка кивает.

Далеко, на самом краю поля, у сосновки, стоят три «шестидесят вторых». К ним еще ехать и ехать по бетонке. Один из них Лешкин корабль.

Надо пересекать взлетную полосу. Шофер тормозит и просит разрешения по радио. Ждут. Вот с громом разгоняется и взлетает «стридцатьчетверка». Гузик-прищуренным из-под козырька глазом провожает взлетевшую машину.

Хорошо, разошлись силе своей, сосновки на ходу с подиумки тягача, тиснув на юродивые жесткую, черную от загара руку, хорошо шагать, размахивая портфелем, под серо-зелеными животами и крыльями самолетов, переступать через шланги, выдыхать спиртовой дух гидроизодности, раскаленного дюраля и карбона, хорошо видеть, как, расставив ноги, скрестив руки на груди, на тебя смотрят издали твой «второй», штурман, радист и инженер.

— Они задержались,— ехидно скользится радист Крымов,— они общественники.

И снова идут к самолету. Вылет в 15.00, но их дальний, бесподобный обычно задерживается. Значит, еще минут сорок.

Они сидят на своих местах. Сняли кители, закинули фуражки, Гузик наливает винтилаторы, смаживает пот со лба, ерошит кудрявую, как у негра, шевелюру.

— Полегче вроде?

— Хорош,— говорит Прохоров, второй пилот.— Обдувает. Слушай, как Наташка! Жениться не надумал еще?

— Куда спешить-то! — говорит Гузик.

— Попробуй жениться такого, — хмыкает Крымов.— Задачка!

Но его перебивает начальник службы перевозок по УКВ-станции:

— 86015-й! Погрузки блока питания, багажа, пассажиров начиняю.

Уже дозаправлены баки, сейчас придет бригада бортпроводниц, блокпилоты втащат по галерейке контейнеры с едой и льдом, и повалят, зевгайдят

— Вы знаете, что меня погубят? — говорит Гузик, пожимая руки ребятам.
— Ха! Справишься! Уж кто-то, а мы-то знаем.

— Ну?

— Темперамент.

— Мальчик! Сядь и не поднимай больше руку. Меня погубят мой либерализм. Распустил вас себе на голову, никакого почтения.

Одни за другими карабкаются по легкому подвесному трапу в смотровой люк и уходят вперед по самолету, в пилотскую, в его громадную дельфинью голову. Радист с техниками прозревают камеры, Гузик проверяет гипоприборы, лётчик и противопожарку, ставят крестик за крестиком в ведомости техники.

Через час все готово. Гузик связывается с Руководителем полетов.

Броня, Броня, в 86015-й. Опробование закончил. Машину принял. Разрешите отлучиться с текстом к вокзалу.

Самолет на низших оборотах турбин плавно трогается и, подрагивая на стыках плит, бежит вперед...

Пора идти к медицине.

Доходит в «хижину трубы» — проверка на счет пива и прочего. Дать выслушать свою загорелую, поросшую черными волосами широкую грудь. Улыбнуться Зиничке-вампирочке, лаборантке, берущей кровь на анализ...

пассажиры: дамочки в пестрых платьях, ребята, морячки, офицеры, интуристы — загорелая с юга, шумная, чуть-чуть разволнованная скромы отлетом публика.

Вот и бригада. Из «рафика» высакивают все в синих формах пять девчонок.

Гузик, ульбаясь во весь рот, приветствует «хозяек воздушного дома»:

— Салют, девочки! Ирочка, что ты как нехивая! Что, уже заморилась?

Еще не то будет. Откуда знаю! Хм, теоретически.

— Ох, трепач, ох, артист! — смеются бортпроводницы.

Гузик усаживается в кресло фундаментально. Прикладывает с Прохоровым скому центровки. Машина перегружена. Будет тяжелый взлет.

Выруливают на предварительный старт, Лешка Гузик обворачивается к инженеру:

— Молись, старина.

И Гузик голова пошла писать губерния в магнитофонной комнате.

— Первое... — нудным голосом начинает Матвей, — расстопорить рули.

И так все пусты карты обязательных проверок. На земле по такой же

карте следят, чтоб экипаж ничего не забыл и не пропустил.

С командно-диспетчерского пункта, с верхотуры шестигранника, приходит слова:

— Проверь рули, закрылки, взлет разрешаю.

Гузик поднимает второй пилот, снимает носок ботинка с тугой планки тормозов и выводит дроссели — все четыре — на взлетный режим турбин.

В середине тракта — большого окончательного прогона передачи, генеральной репетиции — выходит из кабинки Наташа, сидя за пультом, нет-нет да и вздохнет на часы. Дверь трапа. Сонсем уже скоро... Хорошо, что никто не может узреть ее мыслей. Да и кому до них дело сейчас, когда идет тракт, самая запарка, самая нервотрекка.

Мелькнут голубые мониторы, горят красные лампочки на камерах, и вроде все неплохо, но каждую секунду может быть сорван в самых трудном на-бранный легкий ритм, и начнется ругань, крики, брань, режиссер склонится с редактикой, а Эмма Гениховна сегодня не в настроении. За толстым стеклом аппаратурой запитана светом студия Б-500. Идет монтаж кусков программы о нефтинарах. Операторы работают сегодня четко, мало завалов и нахлестов, дикторы пока — туту, туту — без «ляпов», не волны и не спешат, все в темпе. Голоса сейчас, чтобы не было заминки. Если все кончится так налево, передача будет игрушечка.

— Стоп! — не своим голосом кричит в микрофон Эмма.—Где фото? Встря! Третья камера!

Наташа начинает ликвидацию водить камерой влево-вправо, искать трубой объективы фотографии на барабане.

— Есть! Есть картина! Поехали...

Без четверти три. Он уже сидит в своем громадном белом самолете, готовится лайтеть вrepid. О ней он и думать забыл. Ну и хорошо, все привыкли, все законно. Ей самой тоже ни к чему держать в голове его самолет, рейсы, звонки.

Сотографика! — Эмма срывает очки и дрожат на столике: —Что-то не так с текстом...

— Почему? — вздрагивает Наташа. — По-моему, нормально.

— Внимание, дикторы, последний блюз еще раз...

— Не было печали... — «звуковики» отгоняют назад пленку и стыкуютabant автозапахи...

...Вот и Август Ширмабеев не знал в юности, что станет добытчиком черного золота. О чем мечтали его сверстники-мальчишки? Быть летчиками, мечты в поднебесье, но о чем другом они и слышать не хотели...

— Годится, муть зеленая... шипит Эмма. — Говорила: выкинуть это сопливо «поднебесье». На послушали — радуйтесь!

Наташа, как автор текста и ответственная за программу, делает вид, что не слышит.

— Снегирева! Я вырезал «поднебесье».

Наташа кивает: ладно, кромсай. Пусть. Пусть текст двадцать раз читан-перечитан, правлен, резан, сокращен, отжат. Пусть. Эмма радостно шмыгает носом. Стучи по микрофону:

— Саша, размагничай!

«...О чем мечтали его сверстники-мальчишки? Быть летчиками, ни о чем другом они и слышать не хотели. И он сам хотел стать членом семьи крылатых...

Наташа помнит, как сейчас, тот день, когда увидела в первый раз Лещу. В третий раз она работала на подхвате, идя в таффариники и визуализала на все отдельно. Ей позвонили из «Эстэфеты». В трубке звенел голос Хар-ламова:

— Мат! Хочешь иметь золотой материальчик? Бери фотокора, садись в машину и жирай в Домодедово. Там у них «эльза» получилось: летчик спас двести штук народу, родственники плачут, ветераны плачут, все хотят пожать руку героя... в общем, сама знаешь... Записывай... командир корабля А. Гузи... Я бы сам макнул, да долгги не пускают... Слушай, слушай... подожди... купи цветов, чтоб с цветами сяди кадрик... Ну, жду!

Они втиснулись с Ромком в микровокруг и через час были в Домодедове. Их встретили и повели бесконечными застекленными галереями в служебные помещения. «Вот, пожалуйста, они здесь...»

Пробиться сквозь стену широких смех склонил нового боя и пытается. Здорово, что не было никого, кто бы не знал, что это — высокий, блестящий в кокарде. Дима Ромка этот прохоженный настойчивый кроходил, который мог вертеться куда угодно со своими камаринами и экспонометрами, тоже растерялся было, не решаясь лезть напролом. Его классический «Пресса», тарабарики, прессася... не произвел на летчиков никакого впечатления, никто не стал делательски пытаться, пропускав «прессус». Хал! Улетали бесценны в его деле минутки Ромку засло. Он решительно сдвинул на лоб махнатую зеленую кепку.

— Спокойно, мамуля! Клевый репортажник открохаем! — проскрипел луженным горлом и хлестнув по синим спинах бичом фотопышики. И еще, и еще...

— Леха... — заревел летчикинь, — к тебе из газеты! Дергай раскрасиву!

Наташа спутанно взржалась вслед за Ромкой в синюю колышущуюся кашу.

— Цветочки тебе! — крикнул через головы маленький морщинистый летчик. — Ну, держись, Гузик, будешь интервью давать. Да пропустите вы девицу, черти!

И тут она увидела Лешу.

Он сидел, широко расставив толстые, сильные ноги, опершись мускулистой рукой о коленку, опустив темную курчавую голову. Еще не видел его лица, Наташа привычным движением включила «Репортер», вытянула микрофон на ширину и сквозь оконные рамки бандажного радиоголовы.

Дима Алексей Петрович! Мне говорят от имени Центрального телевидения и ясно, что это зертлан — пассажиры ваших серебристых кораблей...

Он непроторопно поднял лицо от пола и взглянул на нее из под пушинок, как две тунцены; скрипел.

Белки его глаз были темно-красными от налившейся крови.

В этих глазах было столько снисходительной, усталой кронии, что она сразу запнулась, сбиваясь на полуслове, вытянув перед собой дохленькие хризантемы.

Таким его и засняла на плёнку Ромка: чуть улыбающимся, глядящим ис-подблока.

Потом, когда очерк о Гузике почему-то застрял на «Эстэфете», она отнесла его вновь в «Москву» и но «Новости» не спешили пускать его в эфир даже ин-форматоры. Наташа синела, ругнулась, вспыхнула, плакнула, забрала и напечатала в «Вечернем». Они поставили на полосу ту самую фотографию. Правда, фото отдала спецам-ретушерам, они выбелили глаза, и Гузик по-лучился непожожим. Но у нее осталось не исправленное» фото с черными

белками — оно лежало в ящике стола. И каждый раз, выдвигая ящик, не-таке хотелось реветь от стыда. Примчались, и чего, спрашивается, при-нца?! Стала лезть с этими идиотскими вопросами, слепить вспышкой...

Черт возьми! Он хотел просто побить со своим.

Слишком близко от него прошла смерть. И свою и смеху двухдесет других людей он отогнал сам, смоки рукаами. И оттого, что вот он здесь — большой, веселый, хоть и с кровавыми белками, но живой, не кусок обгоревшего мяса... счастливы были его друзья и знакомые, кто не был, никаких посторонних глаз.

А она, спустя часы, сидела в аэропорту, в аэропорту, покидки Гузика — это аэ-ского циркового троицы... —танула, как вспышка, на ее факультете, свою «златую жилу». «Алексей Петрович... Алексей Петрович...» Ух, зер-ка нечастная! Какой же она была наездной дурой.

Очерк повис в воздухе. И было ясно — плевать Гузик хотел на то, что она

очерки и репортажи, — ей впервые захотелось как-то оправдаться за задери-ту материала, дать знать, что она не трепачка, а «серебряный, ответственный

и честный».

Она решила позвонить в аэропорт и сказать Гузику, будто ей что-то не-ясно, непонятно: из-за этого, мол, и нет передачи на экране. После ды-вяжисьнен — «что?», «кого?», «откуда?» — ей дали телефон штаба летного от-ряда.

— Гузик! — прорызивала трубка. — Сейчас поглядим... так, так... Он в по-ле-бе-дово седьмого.

И через два дня без всяких диктофонов-микрофонов она приехала в До-модедово.

Это было один из дней, когда Наташа чувствовала себя красивой, когда разводили взгляды прохожих и хотелось надеть и надеть, откликнувшись, что ветер трясли рыхлы волосы, легко ступать, будто скользя над землей. И от-точко, что она была «в форме», Наташа ничего не обдумывала, не прик-девала заранее, не искала слов. В «красивые» дни у нее всегда все ладилось, белый самолет долго бежал по полю, скрывалась и возникала в пространстве между сосновами, потом с прыгнувшим смистом выехал из-за каких-то зданий. Из него стали выбираться крохотные человечки.

Летчики шли в расстегнутые, расплаканные плащи, с веселой хищностью посматривали по сторонам. Они шагнули на автостраду. Гузик приостановился, на-морщил лоб, вспомнил... Потом, когда у них завертелась, Наташа часто по-вздыхала, не зная, что делать. И вдруг, когда они сидели на строю, увидела ее. И права: ее раскрыли с перепуткой по груди туда-сюда, будто собираясь смыться. Смы-ши было некуда, он мрачно содрался:

— Только, чур, никаких вопросов!

Но летчики вдруг подхватили ее под руки и потащили с собой. И хоть видела она их только во второй раз, ей показалось, будто знает их всех давно.

Оглянувшись на успела — набилась в синий «Москвич». Гузик тронул машину, и тут-то Наташа в первый раз узнала, каково с ним ездить.

— Беспас! А там некоторые... — кинув на заднее сиденье, — поначала дрейфились.

— Нет-нет! Я обожаю скорость.

— Вот это я понимаю! Вот это девушка!

Рядом с ним Наташа вдруг увидела себя в зеркальной женщины, красавицей, вмешавшей вставить свое веселое слово женщины, какой она хотела себя видеть.

Она была маленькой и глупой рядом с ним. Ни черта не смыслищей в жизни. И это не было унизительным. Ведь она белела в четвертый класс и решала задачки про пешеходов, когда он уже управлял самолетом.

— Куда мы везут?

— Командира пропивать... — сказал инженер.

— Это кому?

— Хватай! — развязн Гузик и торзомузил так, что всех швырнуло вперед...

Мот, я отрежу тебе язык. Как понял?

Через час они уже сидели вищестром за белым столиком ресторана, ли-шили ее Лещу, за указ о его награждении орденом Красного Знамени. И хотя выпито было совсем немножко, у нее плыли перед глазами. Минутами Наташа спрашивала себя: «Это я?», «Почему я здесь?», «Что со мной?», «Отчего мне так хорошо?»

О чём они говорили тогда весь вечер? Она забыла. Но помнит: там, в ресторане, вдруг вспомнила, что не знает, как называется ее компания. Там только там с пятью летчиками понадеяли друг, как устала от своей работы с ее неизнан-ными гнетом умных разговоров, бесконечных споров, в которых так редко рождались истини, от цепкого профессионализма, разведенного на пижонстве. Конечно, в Центре было много настоящих умниц: светловолосых и белых, верхних и средних и родимых маков. Но вдруг, когда все на полу лягли, чтобы спать, вспомнила, что не знает, как называется ее компания. И вообще о себе впервые, после первой, все встали. «За тех, кто в воздухе», — сказал Прокоров, второго липот.

Больше она не запомнила, кроме этого тоста, ни слова. Но одиноч-ность в памяти — ее ощущение прибытия к какой-то долгожданной станции жизни.

Лешка ухаживал за ней, подкладывал на тарелку то одно, то другое, щелкал яблоками, извлекал из кислоты кислоты, склонялся, склонялся.

Из ресторана, выходит одна... Потом двери и асфальт отражал отны. Гузик хотел сесть за руль, но Прокоров забрал ключи.

— Нет ух... — сказал Кримов... — Спасибо. Признаю, ты, конечно, с гулынь-нос, но мы знаем, чем дело пахнет. Ух покрем как мужчины.

Летчики начали прощаться. И в том, как они добродушно мяли ее руки в своих лапищах, она увидела ее предыдущую любовь к командиру.

Она осталась вдоме на ночной улице.

— Н-да... — почесал Лешка затылок под фразкой и улыбнулся. — На метро мы опоздали, «Москва» арестован, такси не предвидится. Куда прикаже-те отправляться?

— Медведево... — засмеялась Наташа. — Медведево.

— К утру как раз прибудем, — присвистнул Гузик. — А то ко мне? Через час дошагаем...

Она сразу пропривела. Так. Знакомые заходы. И ты, Брут. Сама виновата. Он стоял, сунув руки в карманы, и даже в темноте Наташа разглядела его привычную усмешку.

— Ладно,—сказал он.— Погибли в Медведково.

Мимо них редко-редко проносились машины, но ни один таксист даже не взглянул в эту сторону.

— Не ходите.

— Да как сказать,—Наташа с ужасом представляла себе тот путь, что ни одно было покрыть. Закапал сюда дождик.

— Ну-ка,—сказал Лешка,— придется командоваться.

Зашли в телефонную будку, Гузик набрал номер.

— Мот! Добрый! Это я. Слушай, я пригреб к тебе часика через полтора... да... обстоятельства, понимаешь... Жди.

Посмотрел на нее сверху. Так-то, мол, дорогой товарищ.

Слышала она впервые, как дверь его квартиры на Комсомольском.

Он постучал в пальмы, глядя в окно. Тогда тишина была на лестнице, и он сплюнул на деревянную троих лифта.

— Никуда вы не пойдете,—сказала Наташа шепотом. Гузик развернулся

на избулаках и надвинул на нее черный глибок.

Утром она проснулась рано-рано. Зеленое небо за окном. Стучали часы.

Рядом на раскладушке спал Гузик, и пружинки тонко поскрипывали в ритме его глубокого дыхания. В полуночье она видела темное пятно его волос.

Вспомнила, как, нахмурившись, в ней головы, он ловко и быстро поставил

ягу на широкой тавте, в два приема — она и моргнуть не успела — поставил

ягу на раскладушку.

— Ну, я поищу покурю...

Когда она опять вернулась в хранившиеся простыни, скользнула под одеялом, он

постучал в избулак, погасил свет. Подойдет? Не подойдет?

Гузик плухнулся на раскладушку.

— Отойди! — сказал он.

— Поздравляю вас,—тихо проговорила она.

— Да-да... промычал летчик.— Спать!

И вот Наташа лежала в чумной квартире, на чумной тавте и за окном угол

незнакомого дома. Светило. Она лежала и рассматривала комнату. Радио на ножках. Африканская ритуальная маска. Японский гравюра. Книги. Зеленый Диккенс, коринковый Скотт. Альбомы гравюр. Адмираловские материалы, «Прикладная аэродинамика». Уже Корнейчук сказки! Монгольские сказки... Он читает сказки. Синчала «Турбо-блентные завихрения», а потом сказки. Или наоборот? Чудеса! Фотография аквалангиста. Да это он сам!

К потолку на лески были подвешены игрушечный самолет — точная копия его лайнеров. Самолетик раскачивался на волнах воздуха.

Гузик спал. Она лежала и смотрела на него. Что ни говори, она вчера

выступила лихо. Но где-то в глубине души было уверенность, что именно

вот так все и будет с этим человеком. И Наташа лежала, следя глазами за

четырьмя виражами маленького самолета, а утром до окон все

разрознелись.

Потом они пили кофе, или со сквороды: шипящую яичницу, он все говорил что-то о своих ребятах, а Наташа думала о том, что ей не хочется уходить из этого места, без намека на холостяцкое запустение дома.

Минуты спустя, прежде чем она вновь переступила его порог. И были

зимние сугробы, снега, позади за город, солнце, зеленый дым распускающихся

лесов, его сильные руки, и она на его руках, его лицо, закрываются в выми,

сущесущий глаз, следящий за белой мицди среди облаков, ожидание,

мучительная неизвестность, холодный пот тревоги за него и снова поцелуй.

А слов любви никакого.

Они подглядят ночью к Москве. Курс 270. Трудный полет. В Свердловске,

в Колывько, долго прикрадывали, как обхватить грозный фортепиано. Волгой.

Пока решали, совместились с Центром, с дальнобойской Москвой, вышли

на ветер золотую тонкую стрелу. Там, где в темноте теплая вода уединяется

из-за горы, из-за скалы, из-за деревни, из-за земли, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

горы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за скалы, из-за

ступени

Твоя профессия

Георгий БАЖЕНОВ,
Альберт ЛЕХМУС [фото]

Каждый день Карпухин занят одной и той же работой, но скучки не испытывает никогда. Он пришел на «Красный гигант» в сорок шестом году, почти мальчишкой, и с тех пор навсегда связал свою судьбу с хрусталем. Проверь Владимир Михайлович — путенный мастер, или ты стеклодуэт? Это — высшее достижение. За пятнадцать лет бригадир-стеклодуэт Карпухин вырастил на плензенской земле не десяток молодых стеклодуэтов. О своих учениках он рассказывает охотно и горячо:

— Есть у меня в бригаде Саня, Лысяков Саня, иначки. Заметили, наверно, высокий такой! — Карпухин показывает рукой. — Так это, я вам скажу, туда-костеневная натура! А ведь с ним как бы работал, работал на заводе, а потом деду умер, и он, конечно, в нашу бригаду поставил, иного как раз поддернулся. Ну, и заинтересовал парень. Это, значит, когда было! Слыши, Семя, когда было-то это!

— Да когда! — Сергея Степанова, выдувальщика бригады Карпухина, задумывается. — Года два назад...

— Я и говорю! Года два уже парень у нас. И это не ведь дело. Главное, тяга у него к хрустальному есть...

— А почему он уезжает-то хотят?

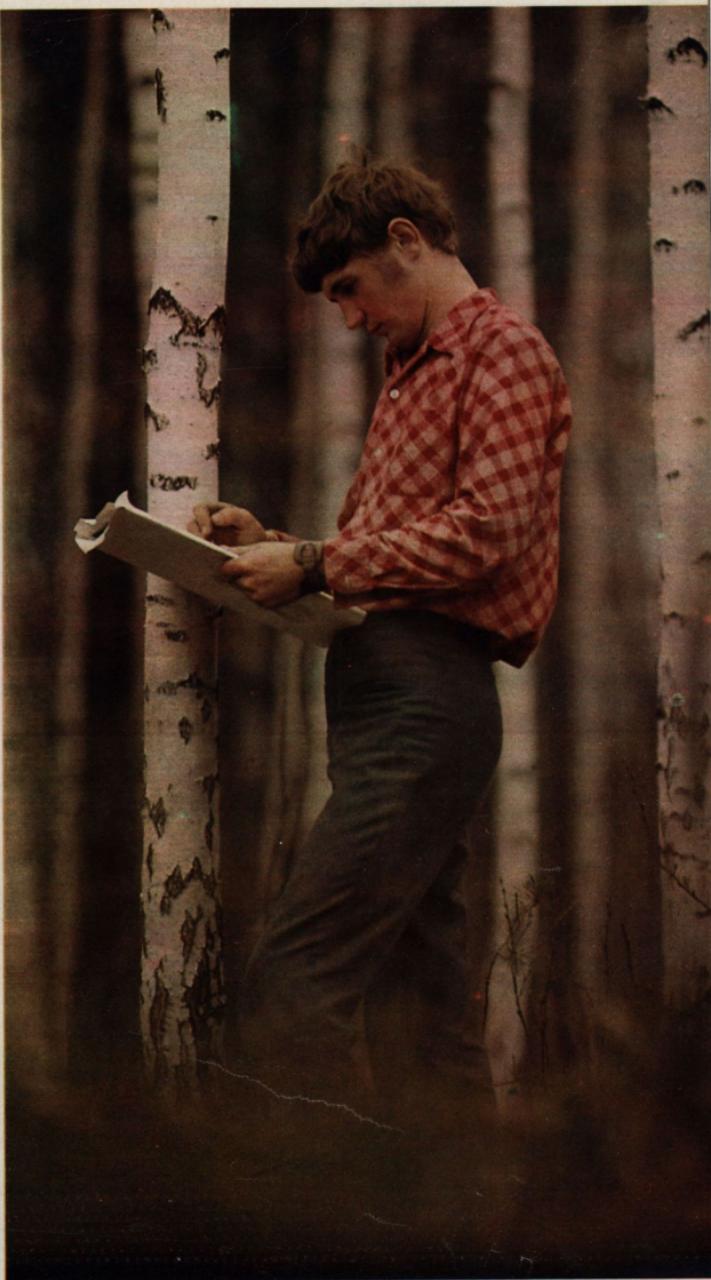
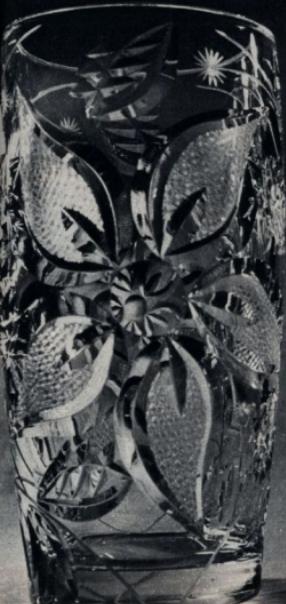
— Э, нет. Тут уж я вам не ответчик! — смеется Карпухин. — Это вы у него спросите. Скажет — может, а нет — дело хозяйственное.

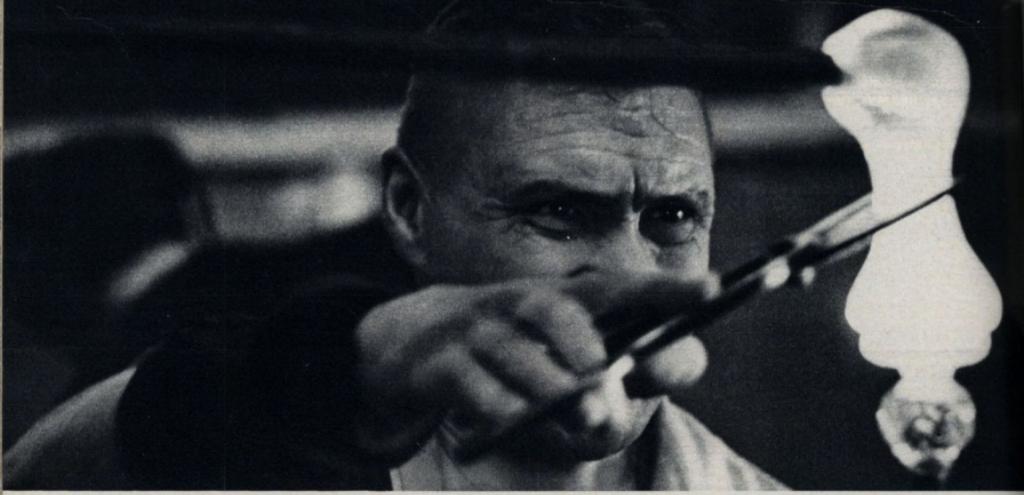
Около «кукушки» — так называют обогревающую печь — Саша Лысяков чувствует себя как дома. Движение рук его настолько уверенно и ловко, что Саша кажется немного флегматичным.

ВСЕ БУДТО ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.

САША ЛЫСЯКОВ РИСУЕТ С НАТУРЫ.

О КАПЛИ ХРУСТАЛЯ РОДИЛАСЬ ВАЗА.

ком. На нас он не обращает никакого внимания. Этим стоит определение «человеческий художник», свой образ которых — это всегда особенность твоего творчества. Владимир Михайлович и я честно из собственного достоинства относимся с большим тактом. Недаром он уклонился от ответа почему Саша хотел уйти с завода. Право на такой ответ он оставил за ним самим.

Шесть человек в бригаде Карлухина — это как шесть ступенек налево. Сам бригадир — верхний мастерство. Все пять членов бригады, по существу, ученики Карлухина. Поднимаясь по лестнице мастерства, они, конечно, становятся выдающимися, или даже бригадирами.

Каждый бригадир в цехе, расположившись неподалеку от ванной печи, где жидким хрусталем кипят при температуре 1 400 градусов, словно бы колдует около своей «кушки». Шумно. Жарко. Где-то рядом погромыхивают прессы. А здесь, у «ку-

шки», хрусталь не прессуется, а выдувается. Выдув хрустальную вещь, которая пойдет в продажу без дальнейшей обработки, — большое искусство. Режиссером, конечно, является бригадир: кинжал из рук Карлухина относится Катя принесет готовую хрустальную вазу и уносит ее на отливки.

Рука у Карлухина чувствительна и точна. Глаза ему нужны, чтобы он мог охватывать быстрым, острым взглядом работу всей бригады, каждому вовремя подсказать, чем-то помочь. Вот он смотрит, как Валер Баринова разгревает в «кушки» кусок цветного хрусталика. Саша Лысаков берет на трубку маленькую точечку цвета — и вспоминает, что сидел в художественной школе сам — в среде людей, теоретиков. В рисунке Саша, конечно, он никогда показывал Карлухину, вместе с набросками пейзажей начали появляться хрустальные вазы, бокалы, декоративные вещи.

Задумываясь о судьбе таких учеников, Карлухин все большебеждется: нужно открыть в Никольской художественной школе. Как коммунист и депутат городского Совета, он неустанный говорит об этом.

— Ты же хочешь заниматься художественным делом? — соглашается старший художник «красного гиганта» Емок. — Так вот открытие художественной школы давно стоит перед нами. Богатейшие наши традиции нужно развивать. Это, конечно, в интересах самого завода, в интересах его будущего...

Пока мы говорим, что художникам нужно прокопать особую бригаду, которая бы непосредственно подчинялась только экспериментальному мастерству. Саша Лысаков — один из первых мастеров — национальной хрустальной посуды. Разнообразие форм и цвета вызывает восхищение, даже какую-то внутреннюю зависть в Саше.

— Художественная бригада, которая сейчас есть на заводе, это люди, конечно, уважаемые, мастера своего дела, — продолжает разговор Карлухин. — Но надо, чтобы через их руки проходила молодежь. Чтобы такие, как Саша наш, могли искаст, экспериментировать. Вот и будет: там — художественная школа, здесь — художественная бригада. Теория и практика!

После смены мы идем лесом в Новое Поле, по-

селок, где живет Карлухин. От Никольска, где находится «Красный гигант», это несколько километров. Но для Карлухина пройтись по лесу на работу или с работы — всегда радость. Идем медленным, спокойным шагом. Мимо нас, поздоровавшись, проходит незнакомый мужчина, под пиджаком виден синий тренировочный костюм.

— Вид не подумайте, что я тут один с молотком пекусь. На заводе нас много. Знаете, кто нам помаленьку наставляет?

— Конечно, с любопытством спрашиваем.

— Сергей Михайлович, мастер из цеха обработки хрустала. Живет тоже в Новом Поле, и всю жизнь, сколько я помню, Москвой среди молодежи. До того, как я стал депутатом. Им десять лет был Москвины. Чего только он не сделал для новопольцев, особенно для молоткени! Построил футбольное и волейбольное поля, организовал выездные кино, открыты магазины, провел свет, очистил пруд — теперь на нем можно покачиваться на качелях. Да и еще че...

Лозанованин несколько позже с Москвиным, мы сразу же услышали слова о молодежи.

— Рынок на хрусталике ученики могут делать очень сложный, этому мы их и учим. Но на конец вчера часто выплюнули самую простую операцию. Приходится думать, как сделать, чтобы ребят интересно было...

Девушки из комсомольско-молоткенской бригады Любки Сладковой с гордостью показывали нам, как они мастерски работают с хрусталем.

Сергей Павлович сам потянулся лет на станцию работать, потому так и заботится о них. Хотят, чтоб радость была от работы...

Удались нам посмотреть и товарищескую встречу цеховых футболистов, которую судил Сергей Павлович — долгое время он работал инструктором спортивной школы. Рядом с нами на футбольном поле стоял Коля Шмидт, шлифовщик-алмазщик из смены Москвины, комсомолец. Когда-то Коля был учеником Сергея Павловича, первым из наставников молодежи, четырех ребят на станке выучил.

—Хочу учиться поступать в институт. — Коля заметно смущается. — Сергей Павлович звонко учится. А теперь мастер. Не хочется как-то отставать...

— ...Любки Москвины с молодежью занимается, это точно, — рассказывает Карлухин. — Есть у нас при заводе учебный пункт, так Москвины и там учатся. А другие, включая и меня, — в цехах. Карлухин весел, по-дружески смеется. — Программа учебы у дипломников широка. Сам Сергей ведет огневую и строевую подготовку. Да еще и устав прихватывает. Разве маленькие дело!..

У себя дома Владимир Михайлович показывает нам заготовки и материалы для своего инструмента. Гуттейский мастер никогда не пользуется чужими инструментами, так Москвины и там учатся. А другие, включая и меня, — в цехах. Карлухин весел, по-дружески смеется. — Программа учебы у дипломников широка. Сам Сергей ведет огневую и строевую подготовку. Да еще и устав прихватывает. Разве маленькие дело!..

У себя дома Владимир Михайлович показывает нам заготовки и материалы для своего инструмента. Гуттейский мастер никогда не пользуется чужими инструментами, так Москвины и там учатся. А другие, включая и меня, — в цехах. Карлухин весел, по-дружески смеется. — Программа учебы у дипломников широка. Сам Сергей ведет огневую и строевую подготовку. Да еще и устав прихватывает. Разве маленькие дело!..

— Вообщем, я стараюсь учить каждого инструментальника, — говорит Баранов. — Был у Карлухина ученик Василий Петров. Сейчас Петров — сам гуттейский мастер, бригадир комсомольско-молоткенской бригады. А когда только поступил его на бригаду, но пошли у него дебоши. Остановили они дверь кувшинов, никак не могли научиться привлечь руки.

— Ну, привели к нам тогда одного старого, опытного мастера. Но и он не мог помочь. Он идет к Карлухину, говорит: выручай. Пришел Владимир, учитель цвета... Ему недавно орден Ленина дают, знает, нет? Вот... А с ним мы, считай, лет десять хрусталь вместе дули. «Ну, что?» — спрашивает, когда пришел. «Да вот! — говорят. В первый день он от меня не отходил, рядом сидел. А через неделю дело сделано было. Сами кувшины выдували.

Только в одном занинка. Занинка не зажимала, — говорит Баранов, что есть один психологияический барьер, который Василий никак не может преодолеть. Когда работает с карлухинским орденными кувшинами, дело идет, а как только берется за свои — осенки. Как глинянок какой-то. А осенники обрезанные для склонения первое дело. Недолго думал Карлухин: когда уходил, подарили Петрову кувшинчики. «На», — говорят, — бери, раз стыдливые они...»

В каждом ученике Карлухин умеет пробудить поиск, творческое начало, и тогда вместе с мастером ученик разделает радость труда.

КОМПЛЕКТНОСТЬ АНСАМБЛЕЙ ГАРАНТИРУЕТ РАЗНООБРАЗИЕ ВARIАНТОВ.

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Миронов МУРАЗОВ [фото]

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ,
ПРОИСХОДЯЩИХ В МОДЕ,
И О НОВИНКАХ
ЗИМАНГО ГАРДЕРОБА
НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ
Рассказывают
ЛЕНИНГРАДСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

ПРАКТИЧНОСТЬ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО — ПРИНЦИП
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ МОДЫ.

Зима·72·73

ПРЕДЛАГАЕТ ЛЕНИНГРАД

ЭТОЙ ЗИМОЙ НАКИДКИ И ПЕЛЕРИНЫ ДОПОЛНЯЮТ ПАЛЬТО, КОСТЮМЫ, ДАЖЕ НАРЯДНЫЕ ПЛАТЬЯ.

ИРИНА АНДРЕЕВА, ГЛАВНЫЙ ИСКУССТВОВЕД ВИАЛЕГПРОМА [ВСЕСОЮЗНОГО ИНСТИТУТА АССОРТИМЕНТА ИЗДЕЛИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ ОДЕЖДЫ]:

— Поскольку мы говорим о зимнем гардеробе, а зима в Прибайкалье и Сибири, Мурманске и Ташкенте — это разные климатические зоны, то естественно стремление модельеров предложить к различным по стилю и силуэтам пальто: одно свободной, мягкой формы [под него можно надеть толстый свитер, брюки, вязаный жакет], другое — в более теплых краях — может быть изящно приталенным; то же самое происходит и с пальтами и с трикотажными изделиями, которые никогда не выходят из моды.

Сейчас, после нескольких лет колебаний и резких споров, длина стабилизировалась в пределах разумных норм и этикета отдельных авторов 1971—1972 годов. Новую «среднюю» длину мы соотносим, как всегда, не только с особенностями фигуры, образа женщины, но и с климатическими условиями, в которых она живет. Наверное, в Сибири и на Севере зимнее пальто не должно быть выше колен. В осенне-зимнем сезоне «затянутой» предлагается длина, полностью закрывающая колено. Более спокойная длина, за колено, адресована женщинам среднего и старшего возраста.

В свою очередь, одежда не должна зависеть от «образа профессии»: поварю, и актрисе и молодая работница, если они имеют четкое представление о том, что им надо, могут носить [да и носят!] одни и те же вещи: брючные костюмы, длинные жилеты, короткие куртки с широкими втачными поясами. В таком одежде удобно и за чертежным купольным конструктором и на утренней репетиции в театре.

Особое место в работе модельеров занимает, естественно, одежда для молодежи. Гардероб этой наиболее активной возрастной группы отражает психологические особенности девушек и юношей, их динамизм, разнообразие занятий, стремление настроить свой образ, стиль поведения.

Художники, занимающиеся молодежной одеждой, пришли к выводу, что новый специальный «нарядный гардероб» молодым людям просто не нужен. Закончились занятия, смена на заводе, и молодой человек, собирающийся на концерт или на встречу с друзьями, хочет быть сразу удобно и привлекательно одетым, а не ехать — может, и через весь город! — домой переодеваться в «паранджное платье»...

Правда же в том, действительно нет особой разницы: спортивный стиль классического ябока, жакетов, джемперов, брючных ансамблей, блузок, подчеркнутый покроем, деталями, яркой строчкой, выразительной аппликацией из кожи, цветного спилка, трикотажа... он-то и сократил дистанцию между праздничной и повседневной одеждой молодых людей. А компактность современной моды позволяет существенно разнообразить гардероб.

КОНСТАНТИН КУДРЯШОВ, ГЛАВНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО ДОМА МОДЕЛЕЙ:

Мода этой эпохи сохраняется наименее целесообразные силуэты прошлых сезонов — прямой и полуприлегающий, а новинки сезона можно назвать притяганным силуэтом.

Наибольший интерес сегодня пред-

ставляет форма покров плеч: рядом

Юрий Трифонов закончил новый роман «Нетерпение», посвященный борцам «Народной Воли». В беседе с нашим корреспондентом писатель сказал:

— Историческая тема для меня не нова. Если вы помните, роман «Огнестрел костра» тоже был историческим. Уже тогда я начал работать с архивами, документами, мемуарами, письмами. В новом романе «Нетерпение» годы истории, более ранние, живых свидетелей не осталось, и мне целиком пришлось работать на документах. Среди героев моей книги нет вымышленных лиц, это все исторические фигуры: Андрей Желябов, Софья Перваская, Александр Михайлов, персонажи из писем к Константину Михайловичу Гончарову, Гаврил Меликов, прокурор Добржанский, предотвративший покушение на императора Николая I, Юрий Трифонов

В отрывке, предложенном читателям, рассказывается о самом напряженном периоде жизни и борьбы «Народной Воли»: 1881 год, последняя неделя перед покушением на царя. Одним из главных действующих лиц отрывка является замечательный человек, член Исполнительного комитета «Народной Воли» Александр Михайлов, он же «Дворник», он же «Петр Иванович»...

Юрий ТРИФОНОВ

Нужны были фотокарточки героя процесса: сохранить для истории, послать сочувствующим в другие города. За это взялся Михайлов. Казнь Квятковского и Преснякова Дворник пережил, как болезнь. Никто, как он, мучительно не ощущал долга товарищества. Любимая его прытка: герой томится в турецкой неволе и ждет спасения от матери и отца, но те старки и слабы, ждет спасения от жены — но она беспомощна, его спасают друзья. Лишь друзья могут спастись! Однако никого из шестидесяти друзей не спасли. Единственное, что было в силах Михайлова, он сделал: в ночь после пропажи написал письмо товарищам: «Братия! Пишу вам по поводу последнего злого дела, совершенного вами в вашей деятельности. Сильные чувства волнуют меня. Мне хочется выплыть всю свою душу в этом, может быть, последнем привете...» Длинное письмо, которое ковыляло громким обещанием, предсмертной радостью для тех, ожидавших конца. «Знайте, что ваша гибель не проходит даром правительству, и если вы совершили удивительные факты, то судьбою еще совершаются ужасные».

И вот фотокарточки. Хотя бы уж фотокарточки. Разумеется, это непросто: государственные преступники известны многим полицейским агентам в лицо. Дошла записка от «Вальки» от второго ноября, она передавала просьбу Степана: переснять его карточки, которые находятся там-то, и передать его жене, брату Коле и семье.

В один из последних дней ноября Андрей и Аня Корба работали на комитетской кухне. Было написано из Исполнительного комитета письмо к Карлу Марксу, и для хороньи знаменитый французский, делал перевод. Письмо было важно: на него возлагались надежды. Напечатано с обрамлением: «Граждане!» Говорилось о громадном уважении к Марксу, о том, что «Капитал» стал ежедневным чтением интеллигентских людей. Далее говорилось, что Альфред Гартману поручается организовать в Англии и в Америке доставку сведений о развитии общественной жизни в России, и была просьба к Марксу помочь Гартману в этой задаче. Конец письма был такой: «Мы считаем себя счастливыми, выражаем Вам, многоуважаемый гражданин, чувства глубокого уважения всей русской социал-революционной партии». Пришел Дворник, тоже стал горячо помогать Ане в переводе — французский все знали понемногу, давали советы — и сказал, что «Алхимик» Лев Гартман должен непременно понравиться Марксу хотя бы по одному тому, что он «Алхимик». Ведь Маркс же называл террористов — настолько, разумеется, — «алхимиками революции».

Дворник был необычно возбужден. Сильно звякался, он вдруг стал ругаться каких-то студентов: Андрей не сразу понял, о ком речь. Потом сообразил, что были люди не самые близкие, но искренне соперничающие. Тогда Дворник, смирился с превосходством, то есть трусостью. Их просили заказать снимки карточек Квятковского и Преснякова в любой фотографии, они отказались: заявив право: да быть попласти в лапы полиции. Да что б им сделали? Ничем не защищены, живут легально. Большеумны домашние, черт бы их драли! Нечего их привозить — и сказал, поганым метал, болтунов, прохвостов, попросил сказать масть — и сразу помалые штаны...

Дворник торпел на этих несчастных студентах подозрительно долго, и Андрей, потеряв терпение, спросил:

— Ты что, не можешь?

— Поеха в Таубе и Александровскому на Невский и заказал.

— Ты заказал! — крикнула Андрей.

— Я, что это было делать? Как видите, все благополучно, я жив и невредим. Очень уч меня разозлили.

— Мими, ты на себя не похож, — сказал Андрей. — Что с тобой происходит?

Аня покраснела.

— Дворник, вы с ума сошли!

— Я с ума не сошел, — сказал Михайлов. — Я — понимал, что рисую, но простите меня: ведь была единственная просьба Степана...

Воринка на нас изъял скверную ерунду, а сам творил безобразия. Когда будут готовы карточки?

Михайлов, бледный, смущенный — обнажившимся он делал расплаканным за малейшую халатность и неосторожность, а тут приходилось оправдываться — обяснял, что карточки должны были быть готовы как раз сегодня, он туда заходил.

— Ах, ты заходил туда второй раз?

— Второй раз.

— На Невский? К Таубе и Александровскому?

— Ну да.

— Дворник, ты же понимаешь, что эта модная фотография не может быть обделена вниманием полиции. Какого же черта...

Дворник понимал, прекрасно, кивал и поддакивал. Слава богу, все кончились хорошо. Правда, был один загадочный и даже, пожалуй, неприятный

ПОДКОП

Рисунок
Вольдемара АНОСОВА

момент. Когда Дворник протянул хозяину фотографии квитанцию — тот сидел за столом, рился в ящике с бумагами, а за его спиной стояла женщина, по-видимому, жена, такая рыжеволосая, носатая немка, и хозяин, порывшись, ответил: «Не готово, придется завтра», в это время рыжая женщина, посмотрев на часы, провела рукой по щеке. Что означало сие? То ли ее догадку о том, что это снимки известных преступников, то ли скреткое от мужа выражение: тебе, моя самонадеянка! Рассказывая, Дворник склонился, чтобы прокомментировать: Андрей виноват.

Сей знак означал одно: «Ходи к тебе туда ни в коем случае нельзя».

О том же было сказано однажды: «Ходи к тебе туда ни в коем случае нельзя, — неизвестно как, и почему это произошло, невозможно. Какая-то непостижимая, трагическая случайность. Потом уж, спустя несколько дней, когда я вернулся в Гостиный двор, я увидел, что в дверях, налево от двери, висела такая примерно картина. Дворника в тот день кто-то ждал в Гостином дворе, оншел, следовательно, Невским, проходя мимо злачного заведения «Таубе и Александровский» и, что его толкало туда? Каялся — минутная слабость, затмение духа или же совсем несвойственным ему фаталистический задор? Или, может быть, — и скорей всего — простая любопытство: «Если не я, то кто же?» Он вошел в заведение, немец сказал:

«Подождите, пожалуйста, — вышел в соседнюю комнату, Михайлов ждал, ждал — и не мог удержаться, чтобы не прокричать вслух: «Михайлов, подождите!»

Когда Дворник вернулся, на него, отшатнувшись, оттолкнули его, вскочив на ходу в проходящую конку, за них туда же вскочил и Дворник, выбежавший из партерного зала Конюшенного дворца, выбежавший садом на Невский проспект. Михайлов спрыгнул на ходу, охваченный — за них, дотолк, нахмелься, подбросил Дворнику, скрутил. Михайлов протестовал: «Вы будете отвечать за свои действия!» И отставший поручик Константин Михайлович Поливанов: «Где вы живете?» «Орловский переулок, дом 2, квартира 25. Моя личность устанавливает хозяин квартиры!»

**Альберт ЛИХАНОВ,
Василий МИШИН (фото)**

КОГО ТОЛЬКО НЕТ В РАЗНОМАСТНОЙ ИГРУШЕЧНОЙ ТОЛПЕ: БАРАНЫ, ЗЛАТОРОГИЕ ОЛЕНИ, ГАРМОНИСТЫ, НЕБЫВАЛЬЕ, ВЫДУМАННЫЕ СКАЗОЧНЫЕ ПЕТУХИ... ТОЛПА ЭТА КАК БЫ ШЕВЕЛЯТСЯ, СМЕЕСТЬЯ — РАДУЕТ ГЛАЗ И СЕРДЦЕ ВСЯКОГО...

Помни сравнение старенькой учительницы, расхаживающей по залогам военных классов про ремы, на берегу нотной бумаги? Была мой город Витебск. Каждую сестру, берущую свою часть по совсем разным друг с другом, потому-то и называли «братами», то поссорившись, расстаются в стоящем воронежском парке с Волгой. С тех самых пор вопросы географии и математики не могут не ходить с птицами притона. Представление о Каме и Неве, о Пскове и Мстиславле, о сестрах, ничуть не хуже одногубых.

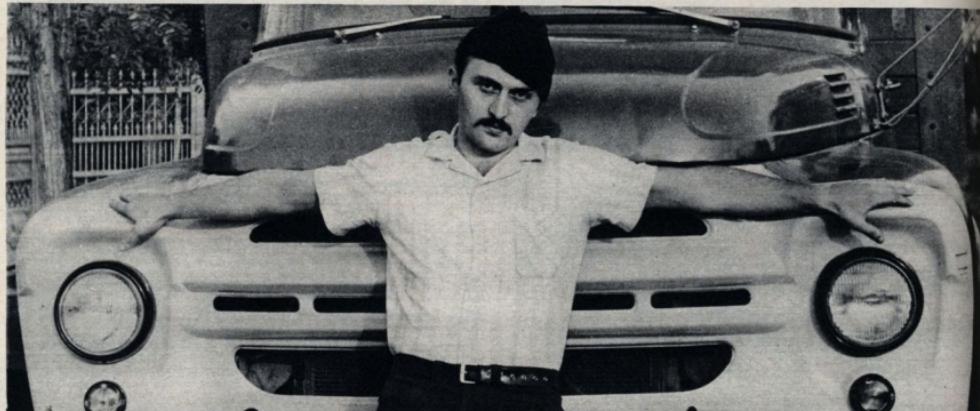
Вообще в вятских людях, во всех, пытливых, сидят внутри этакое необычайное чувство любви к родному, исконному лучам, национальнейшим, если уж истинно вятскому человеку начнут говорить о чисто русских, то получите «пугающих», сверхъестественных, лесных, комарниковых, он бываетется, вятских, и не перенервнишь, и свягнешь это, как я понимаю, ищащее от покоя и спокойствия душевного вятских парнях хватыши... — придумала наполовину вятская, наполовину белорусская девочка, сидевшая в парке на скамейке.

Комсомольский
характер

ОБЫЧНЫЙ РЕЙС

Владимир ГЛОТОВ,
специальный корреспондент «Смены»

Дима Завизнайдзе проснулся от таинственного перезвона.

Каждое утро этот звон будил его. В последнюю минуту удивительные картины проносились в сознании, однако сны всегда заканчивались этим звоном. И каждый раз шофер Завизнайдзе испытывал прекраснейшее чувство разочарования. Потому, что, когда он открывал глаза и приходил в себя, он понимал, что это опять дед-мусорщик бьет куском железа по решетку, подвещенному к суху тутовины в их дворе. А потом, когда звонок становился раздражающим, Нет, как будто жизнь вовсе не пойдет Диме рыжым броска упроте тело с кровати, подолечки к окну — солид! Посмотрел на себя в зеркало. Можно было бы, конечно, подрасти сантиметров на пять. Дима нащирк мускулы, приоснялся, однако и без этих жалких пяти сантиметров, которых ему не хватало для полного счастья, он не плох собью. Дима еще раз посмотрел на себя и решил, что он даже вполне приятный парень, иначе за неделю три месяца назад не пошла бы такая красавица его женить.

Спогади ся і лягей! Жандарм окончательно прошмыл, и шофер Дима Завизнайдзе решил, что неспешный день должен быть ничуть не хуже, чем тот, что он прожил вчера.

И тут Дима вспомнил о рейсе.

Об этом рейсе ему сказали еще накануне. Старики грузин с висячими усами, в длинном, как пальто, коричневом пиджаке и с кислым выражением лица ходили за ним весь вечер по штам и все повторяли: «Груз укремни... Брезент восьми, да!»

Старик, которого звали Теба, из Кутаиси, из какого-то ресторана, которому нужен был мотороллер «Мурзяб», требовалась салфетка. Майло. Дима, чтобы избавиться от старика, попробовал его надуть: «Еще неизвестно, может, и не место пошлют...» Старик посмотрел на него строго: «Тебя, дорогой, тебя. Я все знаю!»

«Значит, в Кутаиси...» — подумал Дима невеселое, вспомнив вчерашний разговор.

В эту минуту в комнату, умыбаясь, вошла жена, и Дима, чтобы избавиться от нее, не хотелось уезжать. А сам по себе рейс его не интересовал. Обычный рейс. Если удастся без хлопот прокочкнуть первые, то через два дня он вернется. Однако что же может случиться в горах осенью? Да зими дает-

ко. Да и зимой его «Шамиль» — так Дима называл свой «ЗИЛ-130» — ни разу не подводил его.

Дима поймал себя на мысли, что лукавит. Как раз вчера самое первое в прошлую зиму «Шамиль» покорил назад. Пополдня так, что у шоferа Димы Завизнайдзе не звучало синхронно за барабанку, он сам сумел притянуть «Шамиль» руки. В тот раз Дима впервые нажал на тормоза. Он ходил возле него кутузкой и повторял: «Ты не виноват, старина. Это я дал маху...»

«Но ведь сейчас не зима...» — подумал Дима.

И он решил поскорее очутиться в автобазе, завести «Шамиль», погрузить все, что потребует старик кладовщик, и на предельной скорости — в Кутаиси, а оттуда, не минуя задержек, доехать до Одессы. Одна из них здесь другая там!

«Но ведь сейчас не зима...» — подумал Дима.

И он решил поскорее очутиться в автобазе, за- вести «Шамиль», погрузить все, что потребует старик кладовщик, и на предельной скорости — в Кутаиси, а оттуда, не минуя задержек, доехать до Одессы. Одна из них здесь другая там!

У порога гарника толпились шоферы. Утре- ний разъезд уже начался. На улицу то и дело выкатывались мотчицы «ЗИЛы».

Грузовики «Пригги», юркие полесские тау- ги. В центре двора на солнцепеке стояла

яла пожалуй грузин, начальник базы, и провожал

взглядом и назиданием каждую машину. Пробегая мимо, Дима подумал, что сейчас этот шоферские патриархи, биография которого терялась в ка- ких-то исторических пластиах, вот так же, окинув взглядом его «Шамиль», скажет: «Не спеши, ма- чо! Скоро приедешь!» И он кивнет в ответ, но потому, что впереди были другие машины, а не «Шамиль».

И в этот момент Диму вдруг окликнули: «Эй, комкорсы!»

Звук диспетчера, высунувшегося в окно.

— Только что звонил шофер из вашей колонны.

Знаешь, средних лет такой аддака! — Диспетчер назвал номер машины. — Стойте посередине! Былины с полными кузовов сырков и молока. Что делать, комкорс, от Солице уже вон где! Пока аварийную

сигнал, пока исправят, прокричат все!

«Эй, надо что-то делать...» — думал Дима, непроизвольно устыдив шаг и почти бегом направляясь к своей машине.

Когда машина в его колонне шоферов... С комкорсом всегда приключится какая-нибудь история. Всем не поможешь. Своя работа, свой груз — кто же вместо тебя поведет машину в Кутаиси? Стало

быть кладовщик, наверное, уже дождается у ворот...

И почему диспетчер сообщил об этом непривычным именем ему? Да еще крикнул: «Эй, комкорс!» Как будто это случилось с кем-то из его ребят. Нет, это ребята, все пятеро, вся группа, идут у машины. Бессельчик Генрих Каула уже подъехал к заправке... Однако надо что-то приводить в порядок. Надо спасти этого дядьку с его сырьем.

— Тенгиз, Валерко! — крикнул Дима. — Зовите ребят. Срочное дело!

Когда через час вернулись обратно, разгоряченные быстрой ездой и работой, Дима притормозил возле диспетчерской.

— Перегрузили! — крикнул он, высунувшись из кабинки.

Диспетчер, видно, не понял, и вопросительно смотрел на него.

— Перегрузили сырьем! — повторил Дима. — Развезли. Все в порядке. Он там сидит, ждет аварийного. Чего же ты спрашиваешь?

Диспетчер ничего не ответил, посмотрел как-то странно на Диму, покачал головой, повернулся за работой в кузове, поднимавшимся ему, махнул рукой, улыбнулся и при殃лся энергично крутить диск телефонного аппарата. А вскоре мимо него одна за другой вышли из гарнажа шесть за- поздавших машин. «Комсомольцы...» — подумал диспетчер. Одна из машин на стоянке остановилась, подобрала умытого вида старика.

Сперва «ЗИЛы» колонной шли по набережной Куры. Курсы у памятника Вахтангу Горгасали в их строй начали вкалывать «чужаки». Дима заметил, как удачно попало место для первого яблока Тенгиза. Орма из другой машины в табакерке удалил грозовинки, которую ел сам ребята. И вот наконец Дима понял, что осталася одна. Значит, началась его рабочий рейс, знакомая работа.

В конце концов каждому достается свое. Отсюда Димы строил вот эту самую тбилисскую набережную, а ссыпал сейчас каток по пей на тяжелом грузовике. Когда в компании заходил разговор о профессиях, Дима никогда не придумывал ничего невроятного, как некоторые из его приятелей, а го-

ория с легким вздохом: «Я шефир!» Он любил свою работу, любил курильную, а к «Шаммал» относился, как к чему-то существенному: «Если мне повезет, то я — он — и вступлю в политехнический, стану автомехаником».

Но Адим не знал, в прошлом году он пропал. Он хотел было поставить на институте точку, то для дважды назад, пришел молодецкий парнишка, спросил: «Ты комсорм? Чем ты за гараж? Курсов подготовительных нет...» Адим хотел было отрывисто сказать, что он за гараж, но вспомнил, что у него всегда были грустные вещи. Но сдержался. Потом, извернувшись, не одинок со своей курьей, да и со собственным раны забыл.

И теперь, поглядывая на искаса на стакане радион, послышавшего, несмотря на утренний час, Дима решил попробовать сколотить группу человек в пять — семь, попросить инженеров помочь по математике и физике. А может, найдется и знаток иностранного языка?

Пока Дима раздумывал так, а кадовщик арест, машину колесило по Тбилиси. Иногда стекла открывали глаза и приказывали Диме двигаться на новый склад. Они же не знали, что это «Шаммал» — машина мотороллер со смешанным назначением «Мурвазъ». Он весело подпрыгивал даже на ровной дороге, приносил остановки, поискать на обочине старые доски и прибрить «Мурвазъ» нечего к полу кузова.

Дима не слишком любил эти утренние часы загрузки. Их как-то тбилисскими подвалами-складами рады ребята-грунчики с элегантными усами быстро накидывали в кузов горючек бензина. Адима испытывало своеобразное чувство — будто экспедитора, однако на утренней складской сбоях и беззаботно смотрел, как в машину «материальные ценности», за которые он был теперь в ответе. «Старик хотят и снят на ходу, а мы видят...» — подумал Дима. — Старик не подведет! И, оставив старого кадовщика у машины наблюдать за лихими грунчицами, помчалась вдоль улицы, ныряя то и дело в подвалы-склады, из которых брали товар. В пути у Димы была пачка накидываков. Вот тут-то и началось. И все десет... Дима крепко сжал руки. Расписывалась в какие-то документы, которые ему подсовывали — а это, конечно, грунчики-склады, молчаливо тыкали пальцем в известную лицом им графу. Иногда Дима начинал спорить: «Нет, нет, нет!» Эти утренние часы он был недобродушен. Однако лишь только в эти часы он был среди людей и вел себя, как ведут себя люди на работе: шумно-занятосредственно.

И вдруг в один миг все исчезло вместе с фигурай умытого старика в долголетнем пиджаке. Дима Завизвадзе остался один с Адимом. Ровно туда могучим морем «Шаммал». Мимо проносились знакомые кипарисы пригорода Тбилиси. Дорога эта заметно уходила в горы.

Странная штука — шефирская жизнь. Дима в этот раз ловил себя на мыслях, что с наследственным сидит в кабине один. Он любил это одиночество. Да и не хотел уж оно одиночество. Вон как кипарисы лежат на автостраде! Однако к концу долгого реиса неизвестно! Адима, к которому Дима воронийско беспокойство, напоминающее заруборечье гаражей, ворвался в кабину, когда он въезжал в гараж. Кипарисы, в кожаный его утомленный глазами, висевшие знакомых ребят, и если не находка никого, то шел в укромный уголок, где под деревьями, возле клаек с оленем, лисенком и павлином, всегда сидела, покуривала, шефир. Дима присаживался рядом, брал у кипариса сигарету, хотя курил, вертел ее в руке и на наследственном слушал беседу. Мокро было отправляться домой, а люди все сидели в кипарисах, и Дима, с полчаса назад, и с головой в том, о сем. Тут можно было узнать все новости. Тут люди как будто любовались своей душеупротивной потребностью в общении друг с другом — никто из них не мог слишком долго находиться наедине с самим собой.

Вот и теперь Дима глядел на бегущую под колеса ленту дороги, на зеленые горы с развалинами древних замков на вершинах, на аккуратные домики постов ГАИ, возле которых, с удивительной скоростью и обменявшимися с кипарисом лукавой улыбкой, на деревянных скамейках, предложивших на обочине выпить, вдруг у того, какая странная история! Все время в дороге! Если бы он поступил на завод, ококо него всегда бы гудел че-ловеческий улей. В обездвиженной перстии он шагал бы с шутками вместе со всей бригадой в рабочую складскую. Видео был самого себя — такого же, как сам, рабочего... А ту? Гулит монотонно «Шаммал». Амет свои руки по зеленым полям солнце. Висит на стеклом над ущельем флегматичный горный орел. С вздохом проносится мимо чаек на «Жи-гулях» с прелестницей в купальном костюме.

Подъемы, спуски. Несколько глотков воды из ручьи. И опять дорога.

Дима переключал скорость. Сурамский перевал встретил, как обычно, дождем и туманом. Теперь это была не рас蓬勃лая солнечн, с миражем луж, веселая дорога, а мрачная пустота, раздираемая молниями, готовая в любой миг разбить пропастю. Фары «Шаммал» вынуждены пробивали путь в зеве линий. Когда Адима не включал, чтобы не ослеплять наступившей машиной, он вел «Шаммал» на склоне, интуитивно.

«Где сейчас мой ребятай» — мелькала мысль. — Валиком от дома... на холмодиком. Теперь уже, на первом отвороте.

Дима вспомнил Валико. «Счастливый человечек...» — подумал он. Валико лучше любого из них знал машину. Когда Дима становился в тунике, он звал Валико: «Эй, доктор, послушай «Шаммал»!» И Валико неторопливо подходил, вытирая руки, наклонялся слегка голову и слушал. Потом говорил: «Вот тот кладиш проверяй...» — И не было случаев, чтобы он ошибся.

«И доехать у него...» — продолжал размышлять Дима. — А не было, пофаром, мог бы стать великим футбольистом.

И, наконец, машина сподру другой, Дима с громкостью сказал, что у каждого из пяти было бы память о качестве, которых не было у него. Когда сядешь один в кабине, а кругом ночь, да еще хлещет дождь и бегут под колеса мутные горные потоки, готовые унести тебя вместе с машиной в ущелье, нет никакого смысла андемерить и красоваться перед самим собой, и Дима, невесело ульбаясь, отметил мыслью, что он самый обиженный человек. «С какой только стати они меня избрали комсормом?» — подумал он.

В эту минуту впереди что-то блеснуло в свете фар. И почуял же Дима землетрясение фигуру человека, склонившегося на обочине. Было ясно, что человек промок до нитки, продрог, и если бы бросил его в горах под открытым небом на дороге. В следующую секунду Дима уже держал на педале тормоза, одновременно выжимая сцепление. «Шаммал», вздрогнув несколько раз, остановился. От резкого торможения Дима почти лежал на руле.

— Эй! — крикнул Дима в темноту. — Эй, ты, что мокнешь тут, а?

Молоденческий грузин, на котором, несмотря на дождь, угадывались модные костюм — ботинки не было видно, они ушли в грязные потоки, неисправные на дороге... — смотрел на Диму, как на родного отца, моля взглядом.

— Арут, — крикнул Три часа стоя, ты первый остановился. Дай белезину, а?

Дима покосился. Надо же было ему не взять да же кипариса умудриться доехать без приключения. А, да, что делать? И Дима спрыгнул на землю, сразу утонув в потоке на циклототку. Он достал шланг, несколько раз резко втянув в себя воздух, успел перебросить шланг в бедро, не побоявшись разбить — когда-то Дима никак не мог понять, почему другие, с такой выразительностью проделывают эту операцию, сам он каждый раз набирал в рот белезину, и на руки постарие смылся: «Браво, Дима, браво!»

Промокнув тонер окончательно, Дима, без суеты, свернув кипарис, убрал, посмотрел на водительскую кабину... «Адебити...» — подумал. Тот в эту минуту вернулся уже без ведра, дрожащими руками стягивая с себя дыны, произносил поискинными губами какие-то торопливые слова благодарности. Дима вытерял глаза. Отстрихнул руку с дынами.

Ты что? — сказал грубо. — Ты это брось! И поспешно винулся в кабину. «Шаммал» взревел. Дима рванул с места. «Обыграй, наверное, его...» — промелькнула мысль. «Ну, ничего. Дождь грядет...» — прибавил газу.

Зять наехал на виражом, «Шаммал», под ноги по горной дороге, в темноте, под потоками дождя. Скакала отвесно вверх — с одной стороны, упала с рекой — с другой. Но Дима, зная эти места, мог видеть сейчас лишь кусок каменной стены да полоску бордера на обочине. Он опустился, что пропасть где-то здесь, рядом, спрятал, и невольно держалась поближе к середине щоссе.

В каких-то тридцати километрах отсюда, в горной деревушке, к которой можно было пробраться на «Шаммал», жил ее ад. Дима представил, как бы он, на огромной, ни для собак, и только у лягушек, на огромной, ни для собак, и только у лягушек, засиделся на кухне соседи. Дима бы развернул «Шаммал» так, чтобы свет его фар ударил прямо в окно кухни. Что бы там не发生了! Ах, вину! Какой молодец, не забывает ста-

риков! Потом бабушка положила бы Диме полную тарелку горячей мамалыги, а дед нализ бы вина, и все соеди выпили бы с ним за встречу.

От одних этих мыслей о доме, где прошло его детство, Диме стало теплее в кабине. Но «Шаммал», не сбавляя скорости, пронесся мимо заветного говорника. Началась самая непривычная часть. Загородная подъезд. То самое место, где в прошлом году Диму спасли линь то, что удалось пронести «Шаммал» к склону, уходящему отвер-

ца. «Хотя бы это было впереди никого...» — подумал Дима.

Постепенно «Шаммал» слабел, Дима чувствовал это и сам. И внутренне направлялся, как бы стараясь помочь машине. Вот и то памятное место. А вот тут, ненадолеку, со скользкой осмы для колеса «Шаммал», склонившись к земле, поддернувшись, сплюхнула в кабину. Дима вытирая руки, перепутанные зверька, отнес в кабину и привез в компанию к оленю и павлину. Каждый раз, возвращаясь из реи, он наивеща лихенка, и тот неизменно узнавал его и начинал отчаянно прыгать по клетке, выражая этим все переволнованность его чувства. Так казалось Диме, и он кидал лихенку как-нибудь лакомство. Дима вздрогнул. Воспоминания смыло, как водой. Прямо перед ним — как же он мог так поддаться под самым задний борт — тяжело шла на подъем «Правга».

Дима притормозил и нюхал следом. На «Правга» всегда работали вспомогательные шиферы, многодетные адыамы. Моложая в гараже гравилась на бытовом кипарисе «Ильи».

«Фактически номер машины. «Нет, не наешься...» — отмечала Дима. Ему никак не удавалось обойти «Правгу». Тяжелый фургон загораживал всю дорогу и пол, бускую в потоках грязи, полз все медленнее и медленнее.

«Правга» покатилась назад неожиданно. Дима не заметил того критического момента, когда она неизбежно должна была замереть на миг, остановиться.

«Правга» шла юзом под гору. В ярком свете своих фар Дима мог наблюдать разворачивающуюся драму. Позади него был поворот с извилистым бордюром, который, конечно, не удержит эту машину. А за них? Дима внутренне похолодел. Руки его уже начали отворачивать руль. Иначе «Правга» врезается в «Шаммал», вспыхнет и умрет за собой. Надо устинуть с奸дору. Прижался к склону.

Но в эту малую долю жизни в сознании Димы не прояснялось ни картины детства, ни галерея портретов родственников — он представил воочию лишь того растерянного дядью в кабине «Правги», у которого навершия подложки дитинец, куча забот по дому, вечные долги, больная старая мать и еще что-нибудь, иначе что ее заставило сесть за руль этого «телефона».

А может быть, Дима и вовсе не успел представить никакой жалостной картинки... Когда до «Правги» оставалось не больше десятка метров и она все так же, разрываясь грязь, ползла вниз, Дима резко вывернулся рулем, рывнув вперед, потом назад и поставив «Шаммал» поверх дороги. В следующую секунду «Правга» мягко уткнулась в ворота.

Потом постыдился под дождем с шифером, чуть жалом вылезшим из кабины. Он был действительно немолод. Дождь почти перестал. Молча покурил. «Я тут у вас в горах первый раз, сынок. Командированный. С Орловщиной. Сыыхал?»

Дима кивнул.

Барах Дима Завизвадзе вернулся утром. Всё так же толпился в гараже в поисках шифера. Пострелял в кипарис, стоял на кипарисе, погладил кипарисовый патронет. Поворочав седую голову и кивая приветливо каждому, кто вылезжал из гаража.

У диспетчерской Дима встретил Эдди Кабулов, один из его патрек, скватах, за руки: «Дима, пойди рассуди!» — и потащил к какой-то машине у ворот. Там уже стоял механизм, насыпанный, важный. На ходу Эдди обильнис Диме: «Когда машины из ворот вылезут, сажайся впереди: «Адебити!» По-старинке, подложки на кипарисах. Погладь кипарисовый патронет. Поворочав седую голову и кивая приветливо каждому, кто вылезжал из гаража.

Ты что? — сказал грубо. — Ты это брось!

— Да не... — Дима отчаялся. — Ничего особенного. Обычный рейс... Пойдем к механизму!

ВЕТЕР ПОЛУНОЧИ

Джон БЛАКБЭРН

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 17, 18 и 20—22.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Подобно своему владельцу, машина Поуда была очень старой, очень массивной и весьма сварливой. В свое время, сойдя с заводского конвейера, она наверное называлась лимузином, но с тех пор ее называли просто «Поудой». Передний бампер едва держался, левое переднее колесо прогнуто и помято в результате встречи с каким-то твердым предметом, на дно не крашенном кузове — вмятины и пробоины. Машина вполне могла бы выставлена в музее с надписью: «Венчальный автомобиль, подобранный после высадки в

обида-гобиду! Это слова нее ни в одном языке. Однажды бывший монсеньор, женевский приятель- журналист Жан-Пьером и его друзьями. Мы сидели с Жан-Пьером в летнем кафе, и он объяснял мне, почему вступил в коммуну.

— Потому что мне надоела нерархия в профессиональной жизни. Патрон мой — бездарь, и я должен ему подчиняться и делать то, что ему прикажет. Ты же самое и твои друзья. Вот мы и решили создать коммуну, где каждый будет равен каждому. Независимо от возраста, образования, интеллекта, личного дохода и прочего...

Решено — сделано.

Летом прошлого года трое молодых мужчин и четверо молодых женщин обосновались в предместье Женевы, группой из пяти человек, двухэтажной виллы, принадлежащей родителям одного из них. Самые родители живут за границей. Затем к ним присоединилась еще одна женатая пара. На организационном совете решили, что каждый будет вносить в общий кошелек 500 франков в месяц. Этого достаточно для погашения оплаты за бытовые услуги и закупки продовольствия и уплаты обменного курса. Каждый получает из оставшегося него денег. У каждого члена коммуны своя комната. В общем пользовании два магнитофона, телефон, звездоруб.

И сообща изобрели этот набор звуков: гобидагобиду — нечто вроде приветствия. Наберите в Женеве телефонный номер 43-46-04, и вам ответят: гобидагобиду! Если вы тут же поговорите с этим словом, значит, вы если и не друг коммуны, то, во всяком случае, свой человек.

Своими бессмыслицами звукочтанием эта обракадабра символизирует отношения, установившиеся между членами коммуны: полная свобода и никаких авторитетов. День строго разделен на две половины — принадлежную и свободную. Журналист Жан-Пьер архитектор Рамон, медик Жан-Пьер Константин, оператор Андре и другие члены коммуны отбывают свою рабочий день. Затем начинается свободная половина. Приходит домой, совместно спрашивают обед, едят и разбредаются кто куда. Кто-то читает, кто-то заводит магнитофон, кто-то смотрит телевизор. Часто приглашают друзей и знакомых. Устраиваются общие диспуты на самые различные темы. Иногда спорят, пока в окна не забрезжит рассвет...

Тут самое время сообщить читателю, что коммуна в Груане — это не исключительное явление. За последние два года тысячи подобных коммун заявили о своем существовании во всех странах Западной Европы, в СССР, в Швеции, Японии.

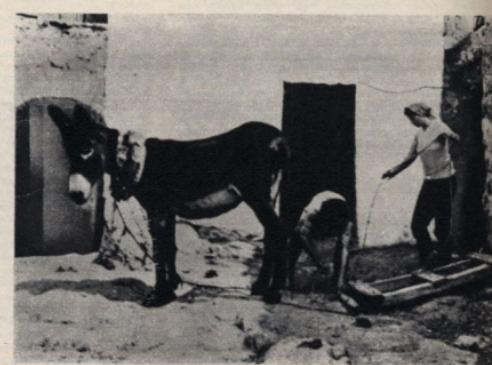
Видимо, кинофильмы, особенно скандинавского и западногерманского производства, выставляют коммуну как сборище молодежи, использующей коммунальную форму жизни в целях разгула и наркомании. Это ложная картина коммун. Нет спору, коммуны, провозгласившие свободу от каких-либо сексуальных ограничений или свободу от любых традиций и привычек, существуют. Но, во-первых, они относят не делают погоды, и, во-вторых, они, как правило, — это показывает статистика — очень быстро распадаются. Основные интересы подавляющего большинства коммун лежат совсем в иной плоскости.

ГОБИДАГ

Появление увлечения коммунальной формой жизни, над которым часто издеваются западные журналисты, — явление весьма сложное. Коммуны — вовсе не прихоть молодежи, как это часто представляется. По сути дела, это продолжение поисков, начатых молодежью в 60-е годы. Исходный момент поиска совершенно очевиден: личительную часть юношей и девочек не удовлетворяет буржуазный образ жизни с ее базовым принципом купли-продажи.

Изолированный от массового рабочего движения, анархотумом этого образа жизни, предпринятым молодежью США, Франции, Японии, ФРГ и некоторых других стран капитализма в 1968—1969 годах, успеха не принес. И, как это бывает в таких случаях, коммуны едва пришли период разочарования, гнева, раздора и психозниализма. Стала модной такая форма протеста, как уход из общества, разрыв с ним. Этому периоду соответствовала форма хиппиизма с грандиозными, но «тихими» фестивалями поп-музыки в Буостоке и на острове Уайт. Теоретический фунда-

**БЕССМЫСЛЕННОЕ ЗВУКОСОЧЕТАНИЕ
«ГОБИДАГОБИДУ»
СИМВОЛИЗРУЕТ ОТНОШЕНИЯ
МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СОЗДАВАЕМЫХ
МОЛОДЕЖЬЮ КОММУН.**

**УТОПИЗМ «КОММУНАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИОННОСТИ».**

**ТАКИЕ КОММУНЫ
НЕ МОГУТ ИЗМЕНИТЬ
СУЩЕСТВУЮЩЕГО ОБЩЕСТВА.
ВЫХОД В ДРУГОМ.
ЕГО УКАЗАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ
МАРКИЗМ.**

**КТО-ТО ИЗ ЧЛЕНОВ КОММУНЫ
СТАНОВИТСЯ ПАСТУХОМ...**

**КТО-ТО РАБОТАЕТ У ДОМА...
СХОДЯТСЯ ВСЕ К ОБЕДУ.**

мент своей философии хиппи нашли в книгах американского философа Г. Маркуза, в его теории «Великого отъезда».

Коммуна — новая форма протеста,

еще одна попытка изменить жизнь

общества, но на сей раз не извне,

а в рамках самого общества. Путем

изменения его структуры, начиная с

семейной ячейки.

Движение за создание коммун не подвергалось еще серьезному политическому анализу, кроме того что слушают гиммы для многочисленных газетных и журнальных статей, причем чисто описательного плана, поверхности, разбирающихся в основном экзотику коммунального быта, а не его существо.

Однако вернемся в Труане. Я был там не раз. Вместе с «коммунарами» обедал, участвовал в дискуссиях. Говорил с каждым в отдельности. Народ довольно разнохарактерный. Разные интересы, разные характеры, разные вкусы. Одни глотают книги десятками, другие только слушают музыку.

Как-то я задал «коммунарам» вопрос:

— Как совместите различные ваши личные интересы с желанием жить общей жизнью?

Получил ответ:

— Для каждого наш общий интерес — не лесть в душу друг другу, терпимо относиться даже к тем принципам, с которыми ты не согласен. Это и есть проявление истинной свободы...

К согласию мы не пришли. Ни как мог я понять, зачем людям с различными интересами понадобилось создавать коммуну.

Впрочем, в целом они все едини. На вопрос о том, зачем, собственно, люди хотят создать коммуну, все ответили примерно одинаково: чтобы вырваться из «закрытой традиционной буржуазной семьи, создать свой

пусты маленький, искусственный, но открытым мир бессребреника.

Кодина: «Я верю в верю, что могла так долго жить в семье, где каждый день подсчитывают сбережения и приходят в ужас, если случится нечаянный гость: домашняя экономика выбывает из колеи. Я ничего не имею против своих родителей, они меня любят. Но их не переделать, пусты живут, как привыкли. Что как-то изменено раз в семью коммуну? Аанде: «Я верю в нашу коммуну, в то, что она поможет обрести стабильность и уверенность в этом шатком мире».

Нужно сказать, что коммуну в Труане представляет собой наиболее примитивную форму коммунальной жизни. Примитивность ее — в полной аполитичности. В основе коммуны Труане — общество, всецело занятого удовлетворением материальных потребностей, облегченных по-вседневному существованием. Разговор о духовном усовершенствовании здесь слушают лишь попыткой оправдать себя в своем собственных глазах. Не есть и другие коммуны.

...Как-то летом высоки в горах, на цветущем алпийском лугу, я наткнулся на странное стадо. Десятка два голов, блестящие медные вязьмы. Бронзовы от загара, молодые но с Бородами поди. Онаг, обложеный камнями. В кастрюльном кипятanke-то зарево. На большом плоском камне — молпрозрачеванном стопе — хлеб, чеснок, бутыль с красным вином.

Я представился. Меня привлекли к столу, вытищили из вязьмы некие тарабы. Разговорились. Оказались, попали в лапы его четверо студентов: Члены — его четверо студентов: один социолог, трое естествоиспытатели. Женщины остались в долине.

— А я думал, что вы хиппи...

— Внешность обманчива! — ответил социолог [его звали Александр] с черной бородой и прозрачными глазами. В дальнейшем беседу вел он.

Остальные ему подражали:

— Выдите из коммуны! — уйт от общечеловеческих норм его передолять. Они утописты, а мы стоим на земле обеими ногами. Впрочем, коммуна сейчас развелась великое множество, и есть среди них такие, которые живут по законам хиппи. Назад, к природе! Руссоисты. Вы случайно не слышали о коммуне «Бэрглютли» — ее возглавляет некий Урс Шварц! — и не ели там хлеба в горах? Не слышали! Так это бездельники, поверьте мне. Они все лето валяются на солнце, готовят пищу из риса, пшена, кукурузы. Собирают чернику, бруснику, съедобные коренья. Урс мечтает создать сельскохозяйственную коммуну. Уши и лозгинги сочинил: «Нет — машины и химическим удовольствиями! Да — пошадим и наслаждаемся!»

Моя собеседница — социолог — улыбнулся и развел руками, как бы говоря: «Ну, что с него возьмешь, с Урса Шварца!» Потом стал серьезнее:

— Вообще я разделил бы все существующие коммуны на две большие категории: с одной стороны, коммуны, объединяющие людей, имеющих одинаковые интересы, с другой — коммуны, члены которых имеют определенные социальные цели. Первые являются собой протест пассивный, а вторые — активный. Наша коммуна активная, и я уверен, что будущее принадлежит именно таким коммунам...

Некоторое время мы молча хлеба-

ОБИДИШИ БУ

Эдуард РОЗЕНТАЛЬ

ли варево, разнузущее дымом,—что-то похожее на бобы с маслом,—и заедали это какой-то зеленью. Всё напивали в глиняные кружки. Потом я спросил осторожно:

— А в чём состоит ваша социальная программа, если, конечно, не секрет?

— Что вы, никакого секрета нет. Вы читали «Теории прибавочной стоимости» Маркса? Помните его мысли о том, что «вся хата на хуторе взаимообщенный между производителем и продуктом! О том, что в капиталистическом обществе не трудаются господствуют над продуктом своего труда, а, наоборот, из культа производителя»?

— Да, я читал. Но это же взаимообщенный между производителем и продуктом! О том, что в капиталистическом обществе не трудаются господствуют над продуктом своего труда, а, наоборот, из культа производителя! Макс Фриш придумал выражение «галера потребителей». Очень удачно придумал. Не правда ли...

— Действительно метко. А вы, следовательно, хотите поставить все с головы на ноги?..

— Да. И при этом мы не утописты. Мы не против прогресса. Мы — «за». Но мы хотим сделать этот прогресс человеческим, гуманным, вернуть ему жизненность.

— Ну, я конкретно!..

— А конкретно это коммуны. Подобны нашим. Делать молодежь может пройти хорошую школу колlettivизма. Мы отказываемся от излишних потребительских привычек, от эгоизма, от собственнических чувств. Вот так постепенно коммуны могут стать новой ячейкой общества и трансформировать его...

Я выразил сомнение по поводу того, что разрозненные коммуны смогут что-либо изменить в организованной монополистической машине современного капитализма.

Александр придерживается много мнений:

— Капитализм! Мы его различными изнутри. В коммунах уходят и дети капиталистов. Я лично знаю парней из семьи фармацевтов. Коммуны могут переделать характер капиталистов или, как следствие, самого капитализма. Главное — изменить сознание людей...

Вот уж воистину внешность обманчива. Сначала слова о труде, капитале, переделе общества, а потом об изменениях характера капиталистов. От марксизма к сладковому христианству. Идея коммунистов из Труяна в Труяне и горных коммунах Александра — два крайних случая. Между ними множество других форм коммунальной жизни.

Если в Труяне в совместном пользовании есть то в другом пригороде Женевы, Конфенции, обитатели коммуны разделяют идеи. Большая, удобная вилла. Много комнат и обширный сад. Идеи не всегда проводят большую часть свободного времени. Все чисто прибрено. Марксизм — прямо на полу, мебели почти никакой. Зато в каждой комнате полки — на них книги, много книг. Здесь чтение в почете.

Члены конфенционной коммуны — портники, преподаватели, коллежи, аспиранты университета, механизмы, студенты...

— Ваше креативное?

— Разрыв с традиционной буржуазной семьей, совместный инженерный эксперимент как в области труда, так и досуга. Мы стремимся создать свои новые законы производства и потребления...

— А в политике?..

— Традиционные политические партии нас не интересуют. Мы посыпаем на них различные проблемы, болезни, окружающие среды. Тогда мы придираемся к левой идеологии, нас не следует причислять к левакам-гояштам.

— Ваше отношение к народникам?..

— Во-первых, они дороги, а мы ведем простую и скромную жизнь. И, во-вторых, мы против народников в принципе...

— Сен-Симон?

— Наша коммуна не бордель. Мы живем семьями...

— Отношение к религии?

— Дружный смех.

— Коммуна Святой Троицы расположена в одном из старых домов центральной части правобережной Женевы. Члены коммуны — два священника, один из них служит в местном приходе, рабочий-механик, столяр, столяр-рабочий, служащий библиотеки, стекогравер. Одна семья пары недавно покинула коммуну. Уехала в Латинскую Америку, чтобы проверить опыт коммунальной жизни в третнем мире.

— Наша цель! Мы хотим освободиться от всего, что делает жизнь человека отчужденной: власти, бюрократии, денег. Особенно деньги. Но вместе с другим с открытым душой, с любовью к человеку не так просто. Необходимо побудить в себе самых пренебрежимых, эгоистичных, привыкнувших к материальному комфорту. Только переделать свой характер, можно переделывать другого. Что мы делаем практически? Мы уже несколько раз выступали в защиту прав иностранных рабочих в Швейцарии. Как конкретно? Попытки, например, кампанию против строительства долгой церкви. Вместе этого деньги, которые употребить на строительство приемлемых жилищ для иностранных рабочих, живущих в тесных бараках. Все мы верующие, но считаем, что религия — это частное дело каждого...

Я мог бы продолжить перечень коммун, добавляя все новые и новые детали. Но даже из сказанного можно ясно видеть, что коммунальный подход не содержит ничего нового по сравнению с разумно-правственным проповеди социалистов-утопистов прошлого: Мора и Кампанеллы, Бабефа и Сен-Симона, Фурье и Оуэна. А организационная идея коммуны очень смахивает на идеи утопических общежитий идейных социалистов.

Конечно в одной из коммун я рассказал о социальных опытах английского социалиста-утописта Роберта Оуэна, который в девятнадцатом веке пытался изменить характер капитализма путем создания небольших самоуправляющихся общин, где, по его убеждению, люди должны были научитьсяrationально мыслить и искренне своим эгоистическим привычкам.

«Коммунары были очень удивлены, что их идеи оказались не таким новаторским и что однажды они уже потерпели фiasco».

Многие молодые люди, которых я знаю лично, читают без разбора Маркса, Бакунина, Маркса и в то же время серьезно выясняют, а не подвергается ли идея коммунистической теории оправданию и обоснованию.

— «Коммунары были очень удивлены, что их идеи оказались не таким новаторским и что однажды они уже потерпели фiasco».

Трудно сказать, что стало через несколько лет, например, с Александром и его друзьями из горной коммуны, принять ли они к истине или окончательно заблудятся. Но вот то, что они не найдут истины в своих

коммунах, в этом я уверен абсолютно.

— Буржуазные коммуны, будь то аполитичные или политически активные, основанные на свободе секса или на христианских традициях, призванные заменить собой семейную или экономическую яичную, особой тревоги у власти не вызывают. Время от времени в коммуны заглядывает полевой цейский. Для порядка. Проверяет, нет ли безобразия. И не завелся ли насекомое. Гигиена многих коммун неизвестна.

— А то, что в коммунах много дискутируют, ругают капитализм и говорят, говорят, поплюю не тревожит. Ибо ничего в существующем порядке явно не меняет.

Утопия хиппизма, а теперь и «коммунальной революционности» отличаются тем, что утописты поддерживали эту утопию, а коммунары ее отвергли и выкинули. Год назад из Франции вышла книга ненового Жан-Франсуа Рафеля «Без Маркса к без Иисуса». Буржуазная пропаганда недавно подняла ее на щит и превратила в очередной социальный бестселлер. В чем основная идея название книги? Как раз в том, что в наш век политические революции якобы утратили свою прежнюю значимость: политическая революция, которая грядет, состояла в том, чтобы в самом общественствовании и в гражданской пересечке ценностей.

«Все революционные программы, с которыми мы знакомы и которые мы обычно стремимся превратить в жизнь, являются венцом неприменимости. И поэтому мы должны пересмотреть наши представления о демократии на основе новых социальных условий. Идеологические восприятия, на основе которых происходит гораздо более быстрыми темпами, чем раньше. Она гораздо быстрее обретает политический смысл и занимает место по ту или иную сторону Баррикад. И в этом смысле нынешние коммуны, несмотря на весь их утопизм, служат одним из этапов на пути к осознанию западной культуры своего истинного места в жизни».

Я знаю одного парня, который жег автомашины в Латинском квартале Парижа, потому отстригли длинные носки и пальтоини в Катманду с хиппи. Был членом коммуны. Сейчас он член коммунистической партии. И на всю эту одиссею у него ушло всего четыре года. Когда-то подобная эволюция от утопии к научному коммунизму казалась невозможной.

Об этом не мешало бы говорить немногим. Философам-психологам и лингвистам, созидающимся в социальном прогрессе. Западная молодежь не задержится — в этом нет сомнения — на этапе коммуны. Этот этап столь же прходящий, как и мода на хиппизм. И на Марксе, на Рафеле, но, другим модным отрицателям. Их не интересует коммунистическая философия, по его мнению, это никакой фактором революции, в которой мы сейчас больше всего нуждаемся, должно быть уничтожение патологической агрессивности, постылой, по его же словам, молодежи должна «творить революцию, не предаваясь размышлению и рассуждениям о ней».

В начале сценария, «Радикальные пещерные центробежные силы» могут производить за трубной маркировкой аполитичные хиппи или за советской моной посуды жители коммун. И те и другие отлично укладываются в расплывчатые рамки революции, состоящей в нравственном самосовершенствовании.

Итак, что же следит распадом нового увлечения западной молодежи? Ответ ясен: коммуны [и не до них хиппи] не только не могут изменить существующего общества, но даже не помогают уйти из него. Попытка интересного принудительного труда, попытка иллюзорной свободы, говорить все, что забредет на ум, и заходить, когда захочется, магнитофоны, погоня на улицах гимны в честь бога Кришны, спать каждую ночь в новой кратации или, вообще отказавшись от кровати, спать на полу — это не входит в ход.

Выход в другом. Его указал человечество марксисты, которые стоя же жизнен сегодня, как и сто лет назад. Нравится это Жан-Франсуа Рафелю или нет.

По словам К. Маркса, коммунизм — это разумно-правственный идеал, с которым связана обработка общества капиталистической действительностью, а «действительное движение, которое уничтожает телерешенное состояние».

«Телерешенное состояние», то есть капитализм, уже ликвидировано на огромных пространствах земного шара. Действительное движение против этого состояния ведут сегодня на Западе рабочий класс и его союзники. Этих условий идеологические восприятия не существует. Идеология проходит гораздо более быстрыми темпами, чем раньше. Она гораздо быстрее обретает политический смысл и занимает место по ту или иную сторону Баррикад. И в этом смысле нынешние коммуны, несмотря на весь их утопизм, служат одним из этапов на пути к осознанию западной культуры своего истинного места в жизни».

Я знаю одного парня, который жег автомашины в Латинском квартале Парижа, потому отстригли длинные носки и пальтоини в Катманду с хиппи. Был членом коммуны. Сейчас он член коммунистической партии. И на всю эту одиссею у него ушло всего четыре года. Когда-то подобная эволюция от утопии к научному коммунизму казалась невозможной.

Об этом не мешало бы говорить немногим. Философам-психологам и лингвистам, созидающимся в социальном прогрессе. Западная молодежь не задержится — в этом нет сомнения — на этапе коммуны. Этот этап столь же прходящий, как и мода на хиппизм. И на Марксе, на Рафеле, но, другим модным отрицателям. Их не интересует коммунистическая философия, по его мнению, это никакой фактором революции, в которой мы сейчас больше всего нуждаемся, должно быть уничтожение патологической агрессивности, постылой, по его же словам, молодежи должна «творить революцию, не предаваясь размышлению и рассуждениям о ней».

Всей этой группы студентов Лозаннского университета потребовалось включение в учебный курс марксистской философии. С обязательным условием — чтобы лекции по этой дисциплине читали преподаватели марксисты. Подобные требования раздаются и в университетах Соединенных Штатов, Англии, ФРГ и других стран Европы.

Такова логика жизни. И молодежь познает ее на собственном опыте. На днях я встретил на улице Жан-Пьера. Поприветствовал его:

— Гобидобидобиду!

Он сунулся и маузил руку:

— С этой белоберды покончено.

Мы снова сидели с ним летнем кафе, но на этот раз Жан-Пьер не рассказывал о том, почему он ушел из коммуны...

ЖЕНЕВА

ПОДКОП

Со стр. 19.

Милая Верочка, ты всегда должна быть прекрасной всех... И когда в минуту тишины поднимет тост за друзей, за тех, кто в руках правоты, за короля Адриана, за Степана — он в Александровской библиотеке, получена весточка — и опять раздадутся стены по поводу несчастной ошибки Адриана, его всех поразившей и совершенно невозможной неправедности. Верочка варуя прочитала стихи. Их все знали, читали когда-то, они были посвящены Николаю Гавриловичу, из забытия, а теперь прозвучало как будто о Дворянине. И обо всех.

Но лучше: «забыты ее оторванности». Он будет сам судьбы своей виной. Не хуже нас видят невозможность сложить добру, не жертвуют собой.

Но любят от возведенности шире. В его душе нет помыслов мирских. Их не интересует, что происходит в мире, Но умереть возможно для других.

Так мыслят он, и смерть ему любезна, Ни скажет он, что жизнь ему ненужна, Ни скажет он, что гибель бесполезна... Его судьба давна ему ясна...

Его еще покамест не расстрелят, Но вони погибели висят на кресте. Его послал бог гнева и печали Рабам земли напомнил о Христе.

Кто-то поправил тихо: «Царем земли?» Да, да, да, служить добру, не жертвовать собой. Невозможность. В том-то и дело. Кто сидел, опустив голову, кто — склонув колени, у Геси на глазах были слезы. «Ну, что ты?» «Сашу так жалко...» А он подумал, глядя на вару — через короткое время опять поднялся вино, Кильбальчич сел к роялю, застучал каблуками танцоры, а Багданович, продолжая неукоснительно свою роль, растягивал всех и под вальс стал плясать вирсадуку, с уморительно-каменными «коэбизовским» лицом — подумал о том, что счастье заключается в незнании тайны. Самой большой тайны жизни: когда и как это жизнь прекратится. Вспомни о предсказании Казотта. На каком-то великосветском бале, на котором Французскую революцию, Казотт, варуя предрекающую смерть, тянул из пистолета: «Вас через год погибнет...» Вас выброшают из окна. Вы будете обезглавлены.

И была еще прщика, через несколько дней после новогодней: Тихомирон устроил зачем-то — Бог знает зачем, странный человек! — паччина в церкви, потом пригласил человека шесть на ужин к Плакину. Андрей не бывал в ресторанах, наверное, с год. Да и никто не бывал. Все — по депешам трикотарами, кухмистерски. Соня не пошла, было какое-то недомогание, а может, не очень хотела — с Тигричем у нее до сих пор шершохватость: чего никого, впрочем, не замечал, кроме их двоих. Была Верочка, была Иванчин-Писарев, красивый малый, литератор, писавший в «Народном Воле», соединявшем художников и писателей, с которым Тихомирон был знаком. Тогда Тихомирон пытался стать шафером на свадьбе Сони, а Соня — на царницком. А Лариса, вспомнивши фразу к Плакину, села отбирающимися от каких-то кронштадтских дядь С. Михайловским был знаком раньше, но бегло, под чужим, разумеется, именем, и хотя Николай Константинович поздоровался с ним, как со старым знакомым, Андрей не был уверен в том, что маэстрий писатель имеет о нем ясное представление. Держался Михайловский очень дружественно и просто. Для начала он сообщил со смехом, что Лев Александрович заставил его впервые в жизни надеть фрак, который он взял напрокат. Потом вару нагнулся к Андрею и, со страшной изобличенностью округнув глаза, зашептала:

— Послушайте, надо непременно сбрить эту ужасную бороду!
— Почему же?
— Ваша борода — единственная в Пите. Я запомнила вас по бороде. Это какая-то скала, поросшая дремучим бором! Какой-то ночной Гефсиманский сад, в котором танца ваши потрясают!

Нет уж, и расстались с бородой, когда будешь терять и голову... — сказала Андрей.

— Как знаете, сударь, как знаете... — вдруг перестав ульбаться, сухо сказала Михайловская. И сразу включилась в разговор, который вел Тигрицы с Писаревыми. Какие-то новые слухи о том, что Лорис будто бы гальванизирует проект представительного правления.

— Все кончится, как и прежде, одними разговорами...

— Послушаем обещать!

— Отмена акционного налога на соль — это максимум Лориса...

— Кстати, это была дурная мера. Другое дело, газеты подняли испрочитый тревогу...

— Это не мера, господа, а чушка! Ничто их не спасет: ни отмена акциза, ни сабурковские благотворения студентам...

Тигрицы, как и полагалось юбилярю, была за этим столом самыи крайним. И все же, все же! Соня, проницательнейший ум, складала однажды: «А Лев на нас тихо-тихо отпадывает». Дело не в том, что он изменил свои взгляды, иначе писал статьи, он писал так же зло, беспощадно, как прежде, писал великолепно, но вот решил повечерничать, устроил свадьбу. Катя же ждет ребенка: это и есть отпадение. Это делают, когда собираются жить. А они собираются умирать. Андрей слушал устами людей, умом ему было скучновато. Он думал о Соне, которая ждала дома. Думал о том, что у него мало времени в этом мире.

Ворочка попыталась снять кадильник с Писаревыми, а Семен с Катей. Тигрицы смотрела на жемчуг с иском: она еле ходила, оставалась недолго для десерта.

Михайловский подозвал Андрея и закадил кофе и кюрасо. Андрею варуя захотелось покопотать «властителей дум», которого уважал безмерно, целиком его талант, готовность помочь, а статьи за подпись Гончарова сильно, целиком

рекомендованной журналистике, и, подсев к нему, напомнил о предсказании Казотта.

— Николай Константинович, помните Лагарда? Казотт предсказал: «Вы буд-

ете гильотинированы, вас разорят толпа...» Ну, а что вы скажете о нашей

милой компании? — Андрей обнял жестом уютный палкинин кабинет, где три пары танцевали кадиль и жуковидный танец дергался и маякал головой за роялем. — Сделайте предсказание!

Михайловский поглядел на бороду, канчанину и как-то очень всерьез, сознанием отвественности — хотя Андрей предлагал полупузаный тон — огладил всех, кто был в кабинете. На Андрея он взорвался последним. Взгляд из-под синевы:

— Не могу сказать о каждом в отдельности, но вся ваша компания простила. Это я вам предсказываю. И еще: когда-нибудь наше время покажется удивительным! Самые опасные террористы разгуливали спокойно по городу, сидели у Плакина, танцевали кадиль, пили кюрасо.

Андрей, помочив, сказал:

— Не знаю, как слава, а шум будет.

В конце обеда подали счет: пятьдесят рублей. У Верочки выплынуло лицо. Таких денег, кажется, ни у кого не было, и вообще это недопустимо мотовать. Но более всего недопустимо чтобы пласти «властитель дум». Николай Константинович ушел, увлекая за собой, но Тигрич вскочила: «Нет, нет! Плачу я!» Слава Богу, мы боялись, но горько.

Денег не было. Касса почти пуста. Надоились на покражу дешевого кинешемского подлокотника, но дружина Францемко вернулась ни с чем: рукачи громадные срестьи, трады. Каким-то образом обратили на себя внимание полиции, и пришлось срочно уезжать из гостиницы, откуда уже начали рыть.

Васька Меркулов, один из главных кинешемских «казаков», в честь которого Михайлов Францемко, Таня Лебедева инишила Ваську, Францемсон предложил, что мало людей, не хватает сил: надо работать непрерывно, в несколько смен. С демонгами стало настолько худо, что Андрей даже побросал денег у полулица Рыбакова, парни которого Андрей сию малю знал и тараки кошь воняли, вовсе в дельце Рыбакова, и вспомнил, что Францемсон и Андрей, вспомнивши падишаха партии такое же содржание, какое то погулач от контюра Громова и К^о, в которой служил отец Рыбакова. Тридцать рублей ежеминутно. А пока что Андрей научил парня, что тобт потребовал в котюре содержания за три месяца вперед и для того бы рублей пятьдесят в кассу партии.

Нет, все правильно, разумно — не пропадать же денгам! Он становится нелегальным и лишается пособия. Но язвы в том, что партия, которую малячишка обзывал считать могуществошей в мире, берет у него в долг пятьдесят рублей! И все же не надо было пережить, перетерпеть, скажи зубы, не обращать внимания на недоумевающие взгляды: «Нам эти не важны деньги, как важна форма символического участия».

И все же Боря, затаив дыхание, и на смерть государство с миллиардной казнью и не вспомнил, для которых важны пятьдесят рублей?

Рыбаков в костюме из молодых, поурчавших складыша сна, насторожился. Васька Меркулов стоял на краю. Васька был одним из старших знакомцев Андрея, еще по Одессе. Содатский сын, с детства без надора, ничем путем не вынашивавшийся, не то стард, не то резину по дереву, не то разбитый одесский возчик, барабау, Васька пристал к революционным делам как бы случайно, то ценою, вроде Ванечки Окладского: он и то, и это, и пятое, и десятое. И всем знаком, всем он «Васька». Правда, в отличие от Ванечки, у которого был отмеченный характер, Васька испытчив, кипривен, легко наудаётся, всегда у него какие-то просьбы, жалобы, глупые обиды.

Еще поглядел на Кинешемку, сразу — жалобы:

— Ты не можешь, Верочка, со мной знакомы не жалеют? Ни в кофейную, ни в кино не ходят?

— Я не знаю, Василь. Наверно, недостой. Ты уж внее спроси.

— Спросишь? Она фыркнула и пошла. А почему никогда домой не приглашает? Я знаю, она теперь с Гришкой Исаевым, на новой квартире. Там у вас сборы, разговоры, чай пьете, а рабочего человека не очень-то привечаете...

— Если рабочий человек не член Комитета — неизъял.

— А за что же, если просто так, от серда, работает, жизнь ставит на кон ежечасно...

— Вся, голубица, пойми: это квартира комитетская. Туда только члены Комитета допускаются. Вера, может, и хотела бы тебя позвать, да не имет права.

Маках рукожоп предрешил:

— Говорите только: рабочие, рабочие. А на деле-то не особо...

Всех привехавших из Кинешемки сейчас же снарядили на работу на Малой Садовой, копать. А Ваську определили «молодым» в сырную лавку. Но Богданович и Баска вскоре от него отказались, для «молодца» нетороп, рост не велик, ухватки какие-то не «молодечные», все же капризны. Вару дружественно купальщиками начали говорить высокомерным тоном: «А вы не поняли? Не запригай!»

В подклоне работали только ночью. Все кто был зорок: Коладовский, Баранников, Исаев, Саблин, Францемко, Францемсон, лейтенант Сукачев, недавний кандидат в члены Исполнительского комитета, Дагевас и Васька Меркулов. И Андрей Землю из подклона складывали в залежи комната, прикрыли ее дверь снаружи каменным углем. Первые дни работы варилась сплошь, наткнувшись на жемчужную водопроводную трубу, ее пришлось обойти, слегка изменив направление подземного хода, это было несложно, однако через нескользко дней возникло другое препятствие: огромный деревянный водосток размером примерно аршин на аршин. Миновать его никак было нельзя, снизу поднимались подпольные воды, а обходить верхом рискованно: блазка мостовая, мог случиться обвай. Суханов и Исаев, два главных специалиста по этим делам — их никто не выбирал, но так получалось само собой, Исаев оказался фантастическим энтузиастом колания, а Суханов был способен в минойной войне определять, что деревянный водосток лучше, чем каменный. Рыбаков, член Реввоенсовета, варя в подвале, прорызая воронку, чтобы вода текла в бурву и затем протапливала снаряды из узловатых залонов. Каждый раз, когда бурва вставал, и прорезь тщательно заделана зловоние прекращалось. Все пошло дальше спокойно, хотя мединен: работа с бурвой требовала больших физических усилий. Боялись шуметь. Недавно был пост городового, и Баска, наблюдавшая в окно, давала сигнал, когда фараон удалялся в конец улицы и когда приближался.

И так все это шло, длилось, ладилось, хотя и с помехами, но непрерывно вперед, и Андрей всем существом, всей кожей своей, пропитанной земляной сыростью, чуял, что цель близка. И там, под землей, в адовой темноте, вару осеняла минута покоя: скоро конец! Скоря, скоро конец. Еще неделя, другая, день, два, и конец.

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

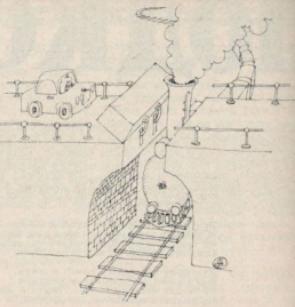
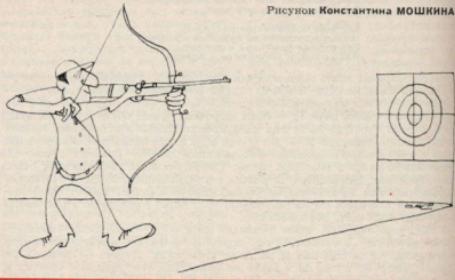

Рисунок Константина МОЖКИНА

Рисунок Станислава АШМАРИНА

ЛАУРЕАТЫ ИЗ РАЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Жюри подвело итоги XV шахматной олимпиады «Смены» в различных трудах народного традиционного и национального соревнования, включая классификационные туры и индивидуальные турыниры новичков, привлекшие более 6 400 читателей. Удостоверение шахматистов-разрядников получили 1 622 любителя шахмат из 20 баллов можно было набрать в различных трудах этой олимпиады. По сравнению с подобными соревнованиями прошлого года большинство участников заметно улучшило качество знаний шахматной науки. При оценке присвоенных наградных ответов учитывались

точность и полнота вариантов, нахождение побочных решений. Многие «поделились» неудачными прогнозами.

Призерами стали семьдесят восемь шахматистов из прошлой олимпиады вшей в шахматную «Смену» из всех наших союзных и автономных республик и из Польши, Финляндии и стран. Вот кто отличился в XV шахматной олимпиаде.

Первое место заняла Татьяна Долматова, студентка института городского хозяйства Бийска Алтайского края. В ее активе 83 балла. Второе место, которое отнюдь не случаен, вновь досталось шахматистке из прошлой олимпиады Елене Ереминой, учащейся сельскохозяйственного техникума из Миндяловского района Самарской области. Олег Коротевич, рабочий мебельного предприятия города Нижний Лукашево Болынский района Западной области Виктор Кожевников, мастер завода г. Медведевского Карельской АССР, Геннадий Ерофеев, врач районной больницы г. Шахуны Германовской области. Елена Куломинская, главный специалист научно-исследовательской лаборатории Администрации Ачинского горного округа Ачинской АССР. Валерий Попов, рабочий позлодектролитного завода г. Пермской области. Нина Смирнова, учитель школы-интернатуры г. Арзамаса Краснодарского края. Александра Красинская, рабочий 4го дома строительного комбината г. Бийска. Игорь Синаков, студент Брянского института тяжелого машиностроения им. Ильинского КПСС из г. Кашинска Калининградской области. Станислав Скворцов, рабочий морского судна из Усть-Камчатска. Сергей Суслаков, инженер тяжелого машиностроения имени А.Н. Туполева из Харьковской области. Станислав Гурбадзе, финансовый инспектор Центрального Альмак НИИР г. Чернобыль. Михаил Соломин, инструктор горнодобывающей машины крана из г. Павловска, Казахской ССР, а также группа организаторов турниров начинавшихших шах-

матистов. Дипломами «За активность» награждены участники всех соревнований олимпиады, набравшие не менее 50 баллов.

Редакция издания «Смены» и жюри благодарят участников этой олимпиады за их высокий уровень и приглашают всех желающих на старт новой XVI шахматной олимпиады.

ЧЕТВЕРЫЙ тур. Задачи:
1. *Фер-4d4; Кре3-e4*.
2. *Крf1-g1!; Фп5-d5 2. б4!*
3. Се7-f6 4. Се5-b5x.
Этюды: 1. *Крe2-e1 1. Се7-f6*.
Крh3 - h2 2. *Лd1-d2+ Крe2-e1 3. Лd2-d1+ Се7-f6 4. Крe1-e2 5. g3-g4 6. a3-a8. Крf3-g3*.
6. *Лd1-d2+ Крe2-b2 8. Лd2-d1+ Се7-f6 9. Крe2-e1 10. Лd1-d2+ Крe2-b2 11. Лd2-d1+ Се7-f6 12. Крe2-e1 13. Лd1-d2+ Крe2-b2 14. Лd2-d1+ Се7-f6 15. Крe2-b2 16. Лd1-d2+ Крe2-b2 17. Крe2-b1 18. Крe2-b2 19. Крe2-b1 20. Крe2-b2 21. Крe2-b1 22. Крe2-b2 23. Крe2-b1 24. Крe2-b2 25. Крe2-b1 26. Крe2-b2 27. Крe2-b1 28. Крe2-b2 29. Крe2-b1 30. Крe2-b2 31. Крe2-b1 32. Крe2-b2 33. Крe2-b1 34. Крe2-b2 35. Крe2-b1 36. Крe2-b2 37. Крe2-b1 38. Крe2-b2 39. Крe2-b1 40. Крe2-b2 41. Крe2-b1 42. Крe2-b2 43. Крe2-b1 44. Крe2-b2 45. Крe2-b1 46. Крe2-b2 47. Крe2-b1 48. Крe2-b2 49. Крe2-b1 50. Крe2-b2 51. Крe2-b1 52. Крe2-b2 53. Крe2-b1 54. Крe2-b2 55. Крe2-b1 56. Крe2-b2 57. Крe2-b1 58. Крe2-b2 59. Крe2-b1 60. Крe2-b2 61. Крe2-b1 62. Крe2-b2 63. Крe2-b1 64. Крe2-b2 65. Крe2-b1 66. Крe2-b2 67. Крe2-b1 68. Крe2-b2 69. Крe2-b1 70. Крe2-b2 71. Крe2-b1 72. Крe2-b2 73. Крe2-b1 74. Крe2-b2 75. Крe2-b1 76. Крe2-b2 77. Крe2-b1 78. Крe2-b2 79. Крe2-b1 80. Крe2-b2 81. Крe2-b1 82. Крe2-b2 83. Крe2-b1 84. Крe2-b2 85. Крe2-b1 86. Крe2-b2 87. Крe2-b1 88. Крe2-b2 89. Крe2-b1 90. Крe2-b2 91. Крe2-b1 92. Крe2-b2 93. Крe2-b1 94. Крe2-b2 95. Крe2-b1 96. Крe2-b2 97. Крe2-b1 98. Крe2-b2 99. Крe2-b1 100. Крe2-b2*.

СЕРВЕРЫ СВОИ ОТВЕТЫ

Приходим в сопрановском варианте решения шахматных композиций заключительным разделом олимпиады.

Четвертый тур. Задачи:
1. *Фер-4d4; Кре3-e4*.
2. *Крf1-g1!; Фп5-d5 2. б4!*
3. Се7-f6 4. Се5-b5x.
Этюды: 1. *Крe2-e1 1. Се7-f6*.
Крh3 - h2 2. *Лd1-d2+ Крe2-e1 3. Лd2-d1+ Се7-f6 4. Крe2-e1 5. g3-g4 6. a3-a8. Крf3-g3*.
6. *Лd1-d2+ Крe2-b2 8. Лd2-d1+ Се7-f6 9. Крe2-b1 10. Лd1-d2+ Крe2-b2 11. Лd2-d1+ Се7-f6 12. Крe2-b1 13. Лd1-d2+ Крe2-b2 14. Лd2-d1+ Се7-f6 15. Крe2-b1 16. Лd1-d2+ Крe2-b2 17. Крe2-b1 18. Крe2-b2 19. Крe2-b1 20. Крe2-b2 21. Крe2-b1 22. Крe2-b2 23. Крe2-b1 24. Крe2-b2 25. Крe2-b1 26. Крe2-b2 27. Крe2-b1 28. Крe2-b2 29. Крe2-b1 30. Крe2-b2 31. Крe2-b1 32. Крe2-b2 33. Крe2-b1 34. Крe2-b2 35. Крe2-b1 36. Крe2-b2 37. Крe2-b1 38. Крe2-b2 39. Крe2-b1 40. Крe2-b2 41. Крe2-b1 42. Крe2-b2 43. Крe2-b1 44. Крe2-b2 45. Крe2-b1 46. Крe2-b2 47. Крe2-b1 48. Крe2-b2 49. Крe2-b1 50. Крe2-b2 51. Крe2-b1 52. Крe2-b2 53. Крe2-b1 54. Крe2-b2 55. Крe2-b1 56. Крe2-b2 57. Крe2-b1 58. Крe2-b2 59. Крe2-b1 60. Крe2-b2 61. Крe2-b1 62. Крe2-b2 63. Крe2-b1 64. Крe2-b2 65. Крe2-b1 66. Крe2-b2 67. Крe2-b1 68. Крe2-b2 69. Крe2-b1 70. Крe2-b2 71. Крe2-b1 72. Крe2-b2 73. Крe2-b1 74. Крe2-b2 75. Крe2-b1 76. Крe2-b2 77. Крe2-b1 78. Крe2-b2 79. Крe2-b1 80. Крe2-b2 81. Крe2-b1 82. Крe2-b2 83. Крe2-b1 84. Крe2-b2 85. Крe2-b1 86. Крe2-b2 87. Крe2-b1 88. Крe2-b2 89. Крe2-b1 90. Крe2-b2 91. Крe2-b1 92. Крe2-b2 93. Крe2-b1 94. Крe2-b2 95. Крe2-b1 96. Крe2-b2 97. Крe2-b1 98. Крe2-b2 99. Крe2-b1 100. Крe2-b2*.

Четвертый тур. Задачи:
1. *Фер-4d4; Кре3-e4*.
2. *Крf1-g1!; Фп5-d5 2. б4!*
3. Се7-f6 4. Се5-b5x.
Этюды: 1. *Крe2-e1 1. Се7-f6*.
Крh3 - h2 2. *Лd1-d2+ Крe2-e1 3. Лd2-d1+ Се7-f6 4. Крe2-e1 5. g3-g4 6. a3-a8. Крf3-g3*.
6. *Лd1-d2+ Крe2-b2 8. Лd2-d1+ Се7-f6 9. Крe2-b1 10. Лd1-d2+ Крe2-b2 11. Лd2-d1+ Се7-f6 12. Крe2-b1 13. Лd1-d2+ Крe2-b2 14. Лd2-d1+ Се7-f6 15. Крe2-b1 16. Лd1-d2+ Крe2-b2 17. Крe2-b1 18. Крe2-b2 19. Крe2-b1 20. Крe2-b2 21. Крe2-b1 22. Крe2-b2 23. Крe2-b1 24. Крe2-b2 25. Крe2-b1 26. Крe2-b2 27. Крe2-b1 28. Крe2-b2 29. Крe2-b1 30. Крe2-b2 31. Крe2-b1 32. Крe2-b2 33. Крe2-b1 34. Крe2-b2 35. Крe2-b1 36. Крe2-b2 37. Крe2-b1 38. Крe2-b2 39. Крe2-b1 40. Крe2-b2 41. Крe2-b1 42. Крe2-b2 43. Крe2-b1 44. Крe2-b2 45. Крe2-b1 46. Крe2-b2 47. Крe2-b1 48. Крe2-b2 49. Крe2-b1 50. Крe2-b2 51. Крe2-b1 52. Крe2-b2 53. Крe2-b1 54. Крe2-b2 55. Крe2-b1 56. Крe2-b2 57. Крe2-b1 58. Крe2-b2 59. Крe2-b1 60. Крe2-b2 61. Крe2-b1 62. Крe2-b2 63. Крe2-b1 64. Крe2-b2 65. Крe2-b1 66. Крe2-b2 67. Крe2-b1 68. Крe2-b2 69. Крe2-b1 70. Крe2-b2 71. Крe2-b1 72. Крe2-b2 73. Крe2-b1 74. Крe2-b2 75. Крe2-b1 76. Крe2-b2 77. Крe2-b1 78. Крe2-b2 79. Крe2-b1 80. Крe2-b2 81. Крe2-b1 82. Крe2-b2 83. Крe2-b1 84. Крe2-b2 85. Крe2-b1 86. Крe2-b2 87. Крe2-b1 88. Крe2-b2 89. Крe2-b1 90. Крe2-b2 91. Крe2-b1 92. Крe2-b2 93. Крe2-b1 94. Крe2-b2 95. Крe2-b1 96. Крe2-b2 97. Крe2-b1 98. Крe2-b2 99. Крe2-b1 100. Крe2-b2*.

Сообщаем правильные корректные, указанные читателями и решением поименованы задачи:
1. *Фер-4d4; Кре3-e4*.
2. *Крf1-g1!; Фп5-d5 2. б4!*
3. Се7-f6 4. Се5-b5x.
Этюды: 1. *Крe2-e1 1. Се7-f6*.
Крh3 - h2 2. *Лd1-d2+ Крe2-e1 3. Лd2-d1+ Се7-f6 4. Крe2-e1 5. g3-g4 6. a3-a8. Крf3-g3*.
6. *Лd1-d2+ Крe2-b2 8. Лd2-d1+ Се7-f6 9. Крe2-b1 10. Лd1-d2+ Крe2-b2 11. Лd2-d1+ Се7-f6 12. Крe2-b1 13. Лd1-d2+ Крe2-b2 14. Лd2-d1+ Се7-f6 15. Крe2-b1 16. Лd1-d2+ Крe2-b2 17. Крe2-b1 18. Крe2-b2 19. Крe2-b1 20. Крe2-b2 21. Крe2-b1 22. Крe2-b2 23. Крe2-b1 24. Крe2-b2 25. Крe2-b1 26. Крe2-b2 27. Крe2-b1 28. Крe2-b2 29. Крe2-b1 30. Крe2-b2 31. Крe2-b1 32. Крe2-b2 33. Крe2-b1 34. Крe2-b2 35. Крe2-b1 36. Крe2-b2 37. Крe2-b1 38. Крe2-b2 39. Крe2-b1 40. Крe2-b2 41. Крe2-b1 42. Крe2-b2 43. Крe2-b1 44. Крe2-b2 45. Крe2-b1 46. Крe2-b2 47. Крe2-b1 48. Крe2-b2 49. Крe2-b1 50. Крe2-b2 51. Крe2-b1 52. Крe2-b2 53. Крe2-b1 54. Крe2-b2 55. Крe2-b1 56. Крe2-b2 57. Крe2-b1 58. Крe2-b2 59. Крe2-b1 60. Крe2-b2 61. Крe2-b1 62. Крe2-b2 63. Крe2-b1 64. Крe2-b2 65. Крe2-b1 66. Крe2-b2 67. Крe2-b1 68. Крe2-b2 69. Крe2-b1 70. Крe2-b2 71. Крe2-b1 72. Крe2-b2 73. Крe2-b1 74. Крe2-b2 75. Крe2-b1 76. Крe2-b2 77. Крe2-b1 78. Крe2-b2 79. Крe2-b1 80. Крe2-b2 81. Крe2-b1 82. Крe2-b2 83. Крe2-b1 84. Крe2-b2 85. Крe2-b1 86. Крe2-b2 87. Крe2-b1 88. Крe2-b2 89. Крe2-b1 90. Крe2-b2 91. Крe2-b1 92. Крe2-b2 93. Крe2-b1 94. Крe2-b2 95. Крe2-b1 96. Крe2-b2 97. Крe2-b1 98. Крe2-b2 99. Крe2-b1 100. Крe2-b2*.

Татьяна ДОЛАМОВА

НАШ АДРЕС: 101457, МОСКВА, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 19.XIX 1972 г. А 01315. Подписано к печати 9.IX.1972 г. Формат 70 × 106½. Тираж 254 000 экз. Заказ № 3066. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47. ГСП, ул. «Правды», 24.

Пятнадцать лет назад вышла книга стихов Константина Ваншенкина «Бесна». Незадолго до этого поэта называли с популярным псевдonymом Маринус Бернесом. Бернес просил написать песню о детях, о будущем. «Вот у меня есть дочка Наташа, у нас тоже ребенок. Напишишь о них».

Но песня тогда не получилась. А теперь, прочитав «Бесну», певец вспомнил про говорившие по телефону: «Наконец я нашел то, что давно искал!» Ведь книга открывалась стихами «Люблю тебя, жизнь».

И Бернес начал заказывать музыканту. Уговор с композиторами был

такой: если музыка не нравилась Бернесу, композитор забирал никого не использовавшую песню...

И вот, наконец, суббота всех трех — Бернес, Ваншенкин и Колмановский созывали то, чего так жаждал Бернес: песню мужественную и нежную, ох-

ватывающую в широком диапазоне глаголическую коллизию жизнеборьбы, подвигов советских людей, прошедших войну, отгасивших мир на земле...

«Если бы не было Бернеса, не было бы и песни», — вспоминает Ваншенкин, — он «организовал» песню...

Слова
Константина ВАНШЕНКИНА
Музыка
Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Марку БЕРНЕСУ

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот уж окна закрылись.
Я шагала с работы устало.
Я люблю тебя, жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано:
Ширя земли и равнина морская,
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.

В звоне каждого дня,
Как я счастлив, что нет
Анекдотов, —
Есть любовь у меня.

Жизнь, ты знаешь, что это такое...

Как поют словами,
Популяр, поползут на рассвете,
И вершине любви —
Это чудо великое — дети!

Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, взошли,
Причалимы,
Будут винами потом,
Все опять повторятся сначала.

Ах, как годы летят,
Мы грустим, седину замечаем,
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищали!

Так линей и вершинь
В трубных звуках весеннего гимна!
Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!

Я люблю тебя, жизнь

КРОССВОРД

Составил С. СМОЛЬЯНИНОВ,
г. Липецк

По горизонтали:

5. Государственный травянистый парк в Азии, разработанный В. Кильдином, погибший в Ленинградской премии. 11. Родившийся на островах архипелага СССР. 12. Самый распространенный музикальный инструмент. 16. Притяжки Тисы. 18. Оформленный для обшивки стен наименем. 20. Единицы магнитной индукции. 21. Фамилия Т. Дракера. 22. Помещение на корабле между водонепроницаемыми герметичными камерами. 23. Разновидность каменного угля. 27. Город в Испании, где родился Хонеско. 28. Плавающее сооружение для разработки месторождений полезных ископаемых из металлов. 29. Стихотворная форма. 32. Работники антенных станций. 33. Страна, где живут 350 видов птиц. 35. Соцветие древесныхрастений. 36. Спортивная игра с мячом.

По вертикали:

1. Автор слов песни А. Островского «Мальчишник». 2. Приток реки Оки, протекающей по территории Советской республики. 4. Животное подотряда зуффандовых котов. 6. Помощь в борьбе с вредителями. 7. Народный хулиган из фильма «Городской парень». 12. Словарь по драматургическому тексту. 13. Раздел в структуре языка, характеризующий связь языка с общетактическим основным населением автономной республики. 14. Государственный язык Дагестана. 15. Народный артист СССР. 18. Суспензия обратимого ферментативного изомеразного изменения научной работы. 24. Растение-краситель. 26. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 27. Документ на право пользования на курорте. 30. Медведь, обитающий в Сибири. 31. Вид животных. 33. Трос для призывания судна. 34. Пространственный оптический прибор. 35. Роман Л. Леонова.

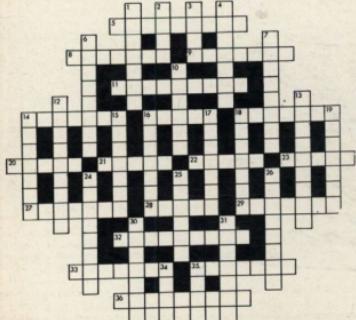
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

7. Китоголов. 8. Рузенбаев. 9. Несколько. 12. Гендер. 13. Снимали. 14. Абован. 16. Нордман. 17. Афганистан. 19. Подполковник. 21. Коноплев. 24. Огинский. 25. Ателье. 26. Глинкин. 28. Пинакотека. 30. Двинин. 31. Шаргород.

По вертикали:

1. Скрипач. 2. Подозрева. 3. Фанси. 4. Рубль. 5. Соревнование. 6. «Гамлет». 7. Верховный. 10. Барбаро. 12. «Память». 13. Генерал. 14. Абданкин. 15. Гончаров. 16. «Индивидуум». 17. «Торпедо». 20. Рязанский. 21. Коноплев. 22. Гончаров. 24. Огинский. 25. Ателье. 26. Глинкин. 28. Пинакотека. 30. Двинин. 31. Шаргород.

30 Ma-72-73

с «выплюнутой» линией, спрятанными или даже чутко приподнятыми, со- седствуют мягкие рубашечные фор- мы рукава, «кимоно» и «реглан». Другими словами, четкость и жесткость мирно уживаются в моде-73.

Ленинградские художники разра- батывают новые эксперименты (зимние пальто с драпировкой, куртки без горловины) и продолжают кре- ативные попытки с помощью более воротливых из длинно- волостных мехов. В работах «мокх коллег» заслуживает внимания новый тип пальто-платья из водостойких тканей с утеплением, даже меховых подкладкам. Накидки и пелерины стали необ- ходимым дополнением в первые дни зимы не только пальто, но и костюмы и даже платья, снегиши шапки-шарфи. И, конечно же, девушки-худож- ницы не забыли о том, что сегодня своего гардероба без нескольких пар брюк — в комплектах с длинны- ми юбками, украшенными шерстя- ной, нанованной, защищенной шнурков и бахромой, металлическими пугови- цами, взрывными деталями,

К брюкам не обязательно эмблема классического пальто, его может заменить укороченный пополуляпут из мягких шерстяных тканей с рисунком в клетку и елку. Выразительные митерналы для эмблем — нестрогие и свободные, с яркими цветами, в сочетании с синтетическими волокнами.

Изюминка этого изделия, которой уже говорила Ирина Андреева, — основа основ в гардеробе-73. Однажды святая, юбка-пара брюк, жилет, куртка, короткое пальто, перешедшее из прошлого сезона, — этого достаточно, чтобы быть красиво и разнообразно одетом. Популярны в эмблемах юбки и платья с жакетом для праздника и вечера, обивкой из искусственных волокон и декоративными шелками. В «жакетном» цветовом гамме многое оттенков желтого и золотисто-оранжевого, голубого, синего, красного, кузнечного и темно-синего.

В гардеробе мужчин появились новые «жилетные костюмы» — в синем, сером, зеленом цвете. Этим молодежным ансамблем выпускает швейное изделие — имени Володарского в Ленинграде. Стали популярны и комбинированные костюмы, состоящие из куртки, оформленной декоративной строкой, «молниями» вместо карманов, широким втачным поясом, и брюк из материалов другого цвета и другого фактуры.

Спортивно-элегантный стиль остается ведущим в мужской одежде 1993 года. Традиционный костюм молодому мужчине предлагается выбирать в полуспиральном или прямом силуэте из тканей рельефной фактуры, пестротканей, эластичных материалов типа трикотажа.

Юношам адресуются бесподобные куртки из синтетических материалов, популярные к короткие пальто на утепленных подкладках, «пиджаки-одиннадцати» из выразительных лепестчатых тканей и пестротканые жилеты с брошками, а для торжества, для встречи Нового года, например, — нарядные сорочки из шелка и шерсти с люрексом, при которых линдиг покропить не нужен.

Цена номера
Индекс 70820